

Надежда Мельникова

Беременна от мажора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784915

0101

Аннотация

– Парень твой где? Красивая девчонка со свадьбы ушла и по лесу шатается.

Мажор спас меня от озабоченного старого придурка.

– Мой парень у алтаря. Его свадьба.

Мажор присвистывает с усмешкой. Крупный, сильный, загадочный, смотрит на меня внимательно, аж вздохнуть страшно.

– Девки – странные и продажные.

– Я – нет.

– Да, лапочка. Просто тебе не предлагали нужную цену.

Какой проникновенный взгляд.

Его отец напал на меня. А он спас.

А после... Он жил своей жизнью. Я – растила его сына.

– о Маше

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	65
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Беременна от мажора

Автор: Надежда

Мельникова

Глава 1

– Поверить не могу, что мы на свадьбе Кирилла.

– И женится он не на нашей Иванке.

Сжимая букет белоснежных лилий, стараюсь не слушать девчонок, что стоят со мной в одном ряду подружек невесты. Но мои чувства спрятать всё сложнее. Думала, что справлюсь, но внутри вою от боли. Подружки рядом: Катя справа, Маша слева. Слезы снова накатывают, но я держусь.

– Всё потому, что Иванка слишком долго тянула с любовью и нежностью, – добивает меня Машка, напоминая о том, что, несмотря на наши полтора года с Кириллом, я всё ещё невинна.

– Мужчинам только одно и нужно, – вторит ей Машка, шелестя точно таким же, как у меня, белым букетом.

– Неправда, он любил её, но парням подавай доказательств преданности, иначе они начинают искать его на стороне, – фыркает Катя.

Мне казалось, я смирилась за эти несколько месяцев, но

нет – увидела их вместе и вдруг такая острая боль от разлуки с ним, что на ногах еле держусь.

– Зачем мы вообще сюда пришли?

– Потому что нас пригласил Кирилл. Он наш одноклассник, и мы не можем пропустить его свадьбу, – отвечаю сдержанным сухим тоном.

– Это извращение какое-то, Иванка, – обращается ко мне подруга, – он твой бывший парень и женится на другой, а мы улыбаемся и делаем вид, будто счастливы.

Над нашими головами, источая свежий аромат цветов, переливается праздничная арка. Ведущая зачитывает поздравительную речь:

– В день рождения вашей семьи хочу пожелать вам быть всегда такими счастливыми, любимыми, радостными! Держаться друг за друга на протяжении всей вашей жизни так же крепко, как сегодня! Желаю вам достатка, исполнения желаний, берегите свою любовь!

Подруга, легонько тронув меня за руку, вынуждает обратиться на неё внимание.

– Ага, любовь, как же, – смеётся Машка, – у Маринки папа половиной побережья владеет. Вот Петров в неё и вцепился. Очевидно же.

– А любит он по-прежнему нашу Иванку, – вторит ей Катя, – вон у алтаря своего из-за розочек в нашу сторону косился.

– Мне вообще кажется, что это у него такой своеобразный

бунт за то, что Иванка так и не была с ним близка.

– Девочки, хватит, вы портите им свадьбу, – умоляю подружек замолчать и, выдохнув, с силой сжимаю хрустящую фольгу букета.

Мне очень обидно, но я держусь.

Я давно решила не показывать ему свою боль. То, что он сделал, как поступил со мной – это только моё личное горе. Никогда ему этого не прощу. Но не прийти сюда означало бы подтвердить, что я раздавлена. Кирилл Петров позвал всю группу «англичан», и я не должна быть исключением. Раз он выбрал дочку богатых родителей, так тому и быть.

– А мне не нравится её платье, слишком простое, – шепчет Машка.

– Обычное свадебное платье, папка мог бы купить и подороже, – соглашается Катька.

Сердце сжимается, в груди всё ещё стоит ощущение заливающей её горечи. В душе болит осознание разлуки, такое сильное, точно я опять слышу его слова о том, что нам надо расстаться. Мы не подходим друг другу. В тот день я простилась со своей первой любовью, разошлась с живым и близким мне человеком.

– Красивое платье, – спору с подругами.

Я не согласна с девчонками, я видела, как Кирилл впервые увидел свою невесту в свадебном наряде сегодня утром. Постановочного в этом не было ни грамма. Он просто медленно шёл по коридору, завернул за угол и обнаружил её у окна.

Как же это было волнительно! Перед ним предстала Марина, одетая в совершенно идеальное платье, нежное-нежное, как она сама. Легкое, пушистое, элегантное, вроде бы и классическое, но при этом совсем не стандартное. А какой цвет! Не традиционный белый, а спокойный, кремовый, идеально завершающий образ невесты и подходящей ей просто безупречно. На самом деле Марина милая, и это не её вина, что для Кирилла она оказалась лучше меня. Просто так сошлись звезды. И вот утром он на минутку остановился. Невеста была необыкновенной, и он любовался ею. А я не могла произнести ни слова. Что-то дико кололо в груди.

– Мужчину нужно холить и лелеять, нежить и любить, – вздыхает Машка, хлопая в ладоши, когда ведущая просит жениха поцеловать невесту. – А ты даже не попыталась его удержать.

– Девушка не должна бегать за парнем, – отвечаю спокойным тихим голосом.

Следуя заранее продуманной программе свадебной церемонии, движемся след в след за женихом и невестой.

– Иногда надо плюнуть на гордость, – бурчит Катя. – Или хотя бы попытаться объяснить.

– Все равно наша Иванка гораздо красивее этой Мариночки. Ну её к чёрту.

Смеёмся.

– Нельзя посылать невесту на её же свадьбе.

– Если невеста отбила у подружки парня, то вполне себе

можно. К тому же она жадная: Ирка с третьего с ней учится и говорит, что она вечно не дает списывать.

Мы дружно хихикаем, а ведущий громогласно объявляет в микрофон:

– Дорогие гости, а теперь позвольте пригласить вас всех к столу!

Девчонки берут меня за руки, и мы усаживаемся с правой стороны, у самого края. На жениха и невесту я по-прежнему не смотрю, отвлекаюсь на горящие под потолком стильные лампочки и гирлянды, развешенные по периметру. Немного погодя передо мной ставят запечённую с овощами форель. Рыба выглядит аппетитно. Ее аромат на долю секунды отвлекает от грустных мыслей. В желудке пусто, но на еду сил всё равно нет. Июль – время счастья, свиданий, любви. А я на свадьбе бывшего парня. Пришла сюда понять для себя, что между нами точно всё кончено.

Молодые решили не портить прекрасный праздник ЗАГСовой бюрократией и формальностями – поэтому заказали выездную церемонию и организовали банкет на свежем воздухе. На длинном деревянном помосте расставили столы и плетёные стулья. Площадка, навесы, арки – всё утопает в цветах. Красиво, но я чужая на этом празднике жизни. Свадьба длится бесконечно долго. Хочется пойти домой, но девочкам здесь весело, и я держусь ради них.

Часа через два, когда тосты молодым сказаны и подарки подарены, подружки весело танцуют, отрываясь, а я чув-

ствую на себе чей-то внимательный взгляд. Медленно поднимаю голову и натыкаюсь на сидящего чуть вдалеке привлекательного крупного мужчину возраста моего отца. Его волосы тёмные, густые, слегка подернутые серебром. Он улыбается мне и салютует бокалом. Киваю в ответ – я не настолько смелая, чтобы поднять бокал.

К мужчинам старше себя я отношусь с опаской. Но не могу не признать, что гость выглядит хорошо. Он явно посещает спортзал и находится в отличной форме. Широкие покатые плечи обтягивает тугой серый пиджак. Даже сидя он выглядит высоким. Думаю, ему нет пятидесяти, чувствуется, что он обладает властью и деньгами.

– Ты как? – Подбегает Катя, пританцовывая.

– Нормально всё, просто накатило немного. Свадьба, сама понимаешь.

– Я вообще не понимаю, зачем так рано жениться?

В ответ я улыбаюсь. Пройдёт, хотя я так мечтала надеть белоснежное платье и стоять рядом с Кириллом. Отодвинув стул, пробираюсь сквозь танцующих гостей к выходу. Снова колет глаза и жжёт внутри.

Свадьба проходит в зелёной зоне, к пляжу примыкает чудный парк. Решив прогуляться, иду по тропинке между деревьев. Здесь меньше слышны крики «Горько!».

Вечерние сумерки уже окутывают высокие, тесно стоящие тисы и сосны, небо сделалось фиолетовым, близится ночь, даже тусклая, бесцветная луна выглянула.

Я думала, что стоит пережить эту свадьбу, и всё будет хорошо, но столько всего ждало меня впереди.

– Не страшно одной в лесу?

Вздрогнув, оборачиваюсь. Между стволами, запихнув руки в карманы и властно вскинув подбородок, стоит он – мужчина со свадьбы.

– Мне пора возвращаться на праздник, – решительно выпаливаю, а у самой аж поджилки трясутся.

Жалея себя и мучаясь разбитыми мечтами, я как глупая курица забрела в самую чащу. Вечерняя прохлада и сырость уже начали пронизывать воздух, из-за деревьев и со стороны опушки леса расползлись мрачные тени.

– Не спеши.

Богатый человек, привыкший получать желаемое. Оттого страшный до судорог в коленях. Высокий, здоровый и все- сильный как сам дьявол. Ему не составит труда сделать со мной что угодно в этом лесу. Вокруг густая темнота. Как же быстро на лес опустилась ночь.

Он улыбается, но почему-то улыбка больше походит на оскал зверя. Значит, он шёл за мной. Какая же я дура. Куда меня понесло?

– Гулять одной опасно, девочка.

Хватаю с земли палку, угрожаю ею, а он смеётся.

– Я не гуляю, – вскрикиваю, – забрела, не подумав.

Выставляю корягу перед собой.

– Думать нужно всегда, красивая. Здесь полно диких кабанов и маленьких злобных барсуков.

Коварный преследователь делает шаг, наступая на ветку. От раздавшегося звука по коже бежит мороз. Во тьме ночного леса этот треск звучит очень неожиданно и жутко.

Он сделает мне больно. Я уверена, совсем не сказки он пошёл вслед за мной рассказывать.

– Мне нравится твоё платье.

Снова улыбается, но как-то неестественно, мне не нравится его сальный взгляд. Горящие глаза богача рыскают по моему телу, словно поглаживая меня – свою жертву.

– Ничего особенного, платье скромное и обычное, – зачем-то уточняю я, подчеркивая своё отношение к его комплиментам.

Лишь несколько мгновений назад за деревьями можно было разглядеть огни праздника, а сейчас они растворились в густом лесу за муравейниками, корявыми стволами и кривыми ветками.

– Платье, распаляющее фантазию.

К счастью, я не надела туфли, обула балетки. Но разве я смогу убежать от крупного, сильного мужчины? Мне страшно, мне кажется, что я потеряю... Схороню себя в этом лесу. Теперь что-то жутковато хрустит у меня под ногами, и незнакомец прищуривается, устремив свои слепые глазёнки на мои ноги. А я, пятясь, натываюсь на ствол дерева, охаю и обдираю открытую кожу спины.

А в следующую минуту бегу! Оглядываясь, замечаю, что мужчина стоит на месте. Он меня не догоняет. Может, мне просто показалось, может быть, нет в его глазах насилия, а в словах злого умысла? Может, он просто вышел прогуляться, а сейчас проводит обратно к столу? Но он вдруг свистит и четко произносит, приказывая:

– Догоните её!

И из-за толстых стволов выпрыгивают ещё двое, кидаясь мне вдогонку. Слезы ужаса брызжут из глаз. Я стараюсь изо всех сил, бегу куда-то вглубь чащи, в темноту, в заросли. Зову на помощь, прекрасно понимая, что на самом деле убегая от людей ещё дальше. Ветки бьют по лицу, царапая кожу, а сердце сжимается от страха. Живот немеет, ужас делает меня неуклюжей.

Невинность всегда была краеугольным камнем в моей семье. Я никогда не забуду, как отец рассказывал одну и ту же историю о том, как женился на маме. «Если не девочка», – произнёс он у ЗАГСа сто лет назад, – «лучше признайся сейчас, всё равно брошу после свадьбы!»

И меня растили в таком ключе. Если бы я только могла переступить через это и быть ближе к Кириллу. Сейчас бы не падала на землю и не каталась бы по сухой траве, пытаюсь отбиться от двух отвратительных мужиков.

Этой свадьбы, наверное, вообще не было бы. Кирилл любил бы меня, а не Марину.

Богач медленно приближается. И встаёт надо мной. На-

стоящий, животный страх поднимается прямо из тёмных глубин моего сознания, и разум уже не может с ним справиться, и логика здесь бессильна.

– Лучше не сопротивляйся, тогда мне не придется устраивать цирк с полицией и поисками тебя группой волонтеров в этом лесу, – пауза, – после твоего исчезновения. Будешь хорошей девочкой и вернешься на праздник уже через час.

И когда он уже наклоняется надо мной, оглохнув от моего крика и истерики, сзади слышится ещё один громкий мужской голос:

– Батя, отстань от неё!

– Дима, вали обратно на праздник! – узнает голос, не оборачиваясь, смотрит на меня, но разговаривает с ним. – Это не твоего ума дело, мы с девушкой общаемся.

– Пока она валяется на муравейнике?

– Давай ты не будешь указывать отцу, что ему делать!

– А давай ты придёшь в себя и уберёшь руки! – Дёргает он мужика за пиджак, оттаскивает, пытается толкнуть.

– Извините, девушка, – кричит, выясняя отношения с родителем, – он бы вам ничего не сделал, по крайней мере, угрожающего вашей жизни. Ему просто нравятся перепуганные до смерти, наложившие в штаны девицы.

Меня колотит. Я ничего не понимаю. Они что, родственники? Красивый темноволосый парень, заступившийся за меня, – это родной сын монстра? Сажусь на траву, подтягивая ноги к животу, и трясусь, пытаюсь дышать.

– Отец, я сейчас маме всё расскажу, и всё на этом кончится!

– Ты не посмеешь, щенок!

– Ещё как посмею, и не видать тебе депутатского кресла как своих ушей! Дедушка такого не стерпит! А ты сам знаешь, кто он у нас.

– Ты как с отцом разговариваешь?!

– Батя, в офисе ты бог и царь, там я полностью тебе подчиняюсь и понимаю, что не дорос, но вот это – полный зашквар! Так и знал, что ты дрянь какую-то задумал, когда в лес пошёл. Слабость у тебя к молоденьким девочкам, так найди профи, зачем левых-то пугать? Ненормально это! Надо опять к психологу! И курс таблеток пропить!

– Я тебе сейчас дам таблеточки! Я твой отец!

Молодой оборачивается, осматриваясь. А я отползаю к кустам.

– Пошли вон отсюда! – гаркает сын на двух шавок-охранников, что пытаются помешать ему разобраться с отцом. – Позорный, табуированный поступок, слышишь меня, отец? Так делать нехорошо!

Неодобрительно качает головой.

– Ну сыночек, заплатишь ты за то, что опозорил меня!

А молодому, кажется, всё равно. Возмущаясь поведением отца, он почти рычит, скидывает пиджак, швыряет его на землю и, оставшись в чёрной, туго обтягивающей спортив-

ную фигуру рубашке, закатывает рукава. Красивый, сильный, смелый, высокий и темноволосый, он толкает испугавшего меня придурка в грудь, тот отвечает ему кулаком, начинается настоящая потасовка. Охранники не лезут. Сын хватается за шею, зло прижимает к стволу. Я ловлю себя на том, что болею за парня и необъяснимым образом люблю его неконтролируемой агрессией.

Тот, что постарше, отступает.

– Я тебя наследства лишу, щенок, вот увидишь! Ты у меня за это унижение пойдёшь работать в «Макдоналдс». Будешь орать «свободная касса» в дебильной картонной кепке. Руку он на родного отца поднял, гадёныш!

Мужик стряхивает с дорогих брюк сосновые иголки и пыль, застегивает пиджак, поправляет его, приглаживает рукой посеребрённые сединой волосы.

– В офисе потолкуем, в понедельник утром ко мне на ковёр! Буду тебя учить, как надо разговаривать со старшим поколением! – грозно пугает молодого и гордо, почти по-царски, удаляется, сопровождаемый своими охранниками.

А молодой подходит ко мне, не обращая внимания на бубнёж отца. Похоже, ему совсем не страшно. Он протягивает мне руку, помогая встать.

– Ну как ты, лапочка? Жива?

Улыбается одними уголками губ. А мне до сих пор страшно, аж голова кружится. Но более красивого молодого мужчины мне нигде не доводилось видеть – ни в жизни, ни по

телевизору. Правильные черты лица, решительный вид, красивый мужской подбородок с эффектной ямочкой посередине. Чётко очерченные мужественные скулы и тёмно-карие, невообразимо манящие глубиной глаза.

– Парень твой где? Красивая молодая девчонка по лесу одна шатается, непорядок.

Этот Дима, как назвал его отец, спас меня. Вытащил из ада, в который я сама себя завела этой странной ночной прогулкой. Плачу и всё ещё боюсь, но стою на месте. А он садится на ствол поваленного дерева и медленно поворачивается ко мне. И, несмотря на то, что от стресса мои зубы всё ещё отбивают чечётку, я не могу не отметить, что это невероятное движение головы заставляет меня замереть. Что-то девичье реагирует на богатенького сынка, не побоявшегося пойти против отца.

– Девки – странные существа. То психуют, то убегают, то отдаются твоему другу в центре твоего же бассейна.

Не понимаю, о чём он. Какое-то событие из его прошлого? Или просто треп? С каждой секундой становится всё темнее, скоро мы не найдём дорогу назад, но без него я идти боюсь.

– Мой парень у алтаря, поздравления принимает. Это его свадьба, – зачем-то признаюсь в своей слабости.

Мажор, так я буду его называть ввиду наличия богатых родителей, присвистывает и снова смотрит на меня. Долго, с усмешкой, будто я его только что с Человеком-пауком позна-

комила. А я стесняюсь его, сама не знаю почему, платье одёр- гиваю. У него аура странная: мощная, красивая, разными цветами переливается. У нас в университете учатся совсем другие парни, они всё больше тщедушные, мелкие, обычные. А этот крупный, сильный, загадочный, смотрит на меня вни- мательно, аж вздохнуть страшно. Но при этом необъяснимо волнительно. Наверное, я просто благодарна ему. Хотя вряд ли, здесь что-то другое.

– Говорю же, девки – странные существа.

– Надо назад идти, а то...

– А то сдохнем в лесу? – смеётся. – Мы же в парковой зоне, найдут к утру.

– Если я не вернусь домой, мои папа, мама, бабушка, де- душка и Антон с ума сойдут.

– Кто есть Антон? – таинственно сводит брови на перено- сице.

– Русско-европейская лайка.

– О, респект и уважуха. А насчёт предков не парься, лю- бить крепче будут. – Ещё одна усмешка.

Он роется по карманам, находит пачку жвачки, предлага- ет мне. , отказываюсь.

– Учишься?

– Да, студентка факультета иностранных языков.

– Я, когда в Лондоне учился, дома неделями не появлялся, во батя бесился. Сейчас мы все на родину вернулись, но он всё равно нет-нет да настучит по башке. Но знаешь, как ты

успела заметить, он и сам не без греха.

Страх снова сжимает лёгкие. Воздух резко втягиваю, от негодования аж уши закладывает. Как вспомню, что только что со мной было... От пережитого стресса чувствую слабость и недомогание.

– Я в полицию пойду! – поджимаю губы.

– Не, – качает головой, по стволу хлопает рядом с собой, предлагая сесть. – У него там столько друзей, его отмажут. Время потеряешь.

– Значит, это не в первый раз? – С ужасом трясусь, к горлу снова подкатывает противный ком, к глазам – слёзы.

– Слушай, ты одно пойми: мир он не черный и не белый.

Я падаю на сухой ствол рядом с ним.

– Он, как бы тебе это лучше объяснить – он полосатый, серый, местами красочный. Могу сказать, что ни одна из пострадавших баб не отнесла заявление.

– Это ещё почему?

– Некоторые даже становились постоянными любовницами.

– Фу.

– Да потому что вы все продажные.

– Я – нет.

– Да, лапочка, да. Просто тебе не предлагали цену, от которой ты не смогла бы отказаться.

Растерянно тру свои колени сквозь ткань платья. Нервничаю, очень хочу домой. Я не понимаю такого. В моем хру-

стальном мире этого нет. Мама учила меня, что я встречу принца, то есть любовь всей своей жизни, и он женится на мне, у нас родятся дети, наша любовь будет чистой и красивой. Но в её рассказах ничего не было про взрослого мужика, который завалит меня на траву... и потом подарит за это подарки.

– Последней своей девочке он преподнёс ключи от квартиры за то, что вот так вот в её же собственном доме.

– Это ужасно! – зажимаю рот ладонью.

– Ты думаешь, её родители сказали хоть слово?

В глазах темнеет от ужаса. Придуманый мной идеальный мир продолжает рушиться. Я всё больше разочаровываюсь в людях. Кирилл был моим принцем, он ждал. Какое-то время играл по моим правилам. Мы вместе планировали будущее. А потом я стала замечать, что он меняется. Всё покатилося к чертям собачьим, и он женился на другой.

– Ну это как Вайнштейна обвиняли в домогательствах десятки женщин, в том числе такие знаменитые актрисы, как Анджелина Джоли и Ума Турман. А до этого все они молчали и обнимались с ним, получая «Оскары». Я же говорю, тёлки – странные существа.

Перед глазами всё плывет. Я очень сильно перенервничала и устала от всего этого. Хочется поскорее вернуться. Не стоило вообще приходить на эту свадьбу.

– Маринка – крестница моего отца, – зачем-то поясняет мажор.

– Её он тоже?

– Ну нет, – смеётся.

– А что же так?

– Ты пойми, он не маньяк.

– Маньяк – это человек, одержимый манией. Так что извини, но твой отец – маньяк.

– Родителей не выбирают, – пожимает плечами мажор. – И хватит уже о моём отце!

Он огрызается, его это нервирует. Конечно, ему неприятно. Представляю, как сильно он страдал. Узнать такое о собственном отце – это как гроза среди ясного неба. Страшно.

– Пойдём обратно.

Встаю и, подобрав платье, иду в темноту, мне кажется именно оттуда мы пришли.

Мажор спрыгивает с дерева и сразу же идёт за мной.

– Если бы мой отец делал что-то такое, я бы пошла в полицию.

– Знаешь, что я сделал, когда узнал об этом в первый раз? – Хватает он ветку, которая почти что бьёт меня по лицу. – Я сломал ему нос.

Наши взгляды переплетаются. Где-то я понимаю его. Этот ужасный человек всё равно его отец. Когда мой папа случайно сбил на старом «москвиче» чужую кошку и не похоронил её должным образом, я тоже переживала. Мне казалось кошунством оставить её на обочине. Я злилась, но отец принял решение, и я не могла ему противостоять. Это кипело

внутри.

– Но он продолжает делать плохие вещи.

– Сейчас реже, – пауза. – Мой отец сделал меня тем, кем я являюсь. С детства он учил меня тренироваться, заниматься спортом, бороться, добиваться цели. Сейчас я тянусь за ним в бизнесе.

– А твоя мать?

– Она не в курсе.

– Этого не может быть.

Он помогает мне пробираться сквозь кусты, держит ветки, не даёт оступиться, предупреждая падение в ямы.

– Я делаю всё, чтобы она не узнала.

Наши глаза опять встречаются. Мы стоим близко, здесь темно и страшно. И он единственный человек, способный защитить меня от тьмы и диких животных. Ещё час назад мы понятия не имели о существовании друг друга. А теперь будто одни на целом свете. Это странно.

Я на секунду притормаживаю. Смотрю на мажора. Несмотря на достаток и связанную с ним вседозволенность, есть в этом парне что-то особенное, настоящее, яркое. Он защищает свою мать, самого дорого человека, от грязи, он оттаскивает отца от девочек, он заставляет его посещать специалиста, говорил о таблетках. Он борется с пагубной страстью родителя. Как может! Пожалуй, мне это нравится.

У меня довольно быстро устают ноги, и, пока я плетусь по-

зади, переступая корни и боясь угодить в чьё-нибудь гнездо, мажор ждет меня. Он подпирает дерево плечом и, скрестив руки на груди, с интересом наблюдает за мной. Он странный и не такой, как все: успокоился, быстро взял себя в руки. Хотя я уверена – он переживает из-за своего отца.

В свете луны очертания твердой линии подбородка, прямого носа, правильных губ и рельефного контура рук, делают его ещё более привлекательным. Я смущаюсь – такая красивая мужская внешность.

– Иванка – это типа Ваня, но девочка?

– Чешский вариант женской формы, да, – улыбнувшись, киваю ему.

Всё же с ним рядом мне отчего-то спокойнее. Хотя я его совсем не знаю.

– Чудесное имя, – смотрит игриво, искоса.

– Спасибо. Твое тоже ничего. Мама очень любила старые книги о войне, где часто встречалось это странное имя.

Нелегкая судьба дочери священнослужителя в шестидесятых и так далее и тому подобное.

Мажор усмехается и, опустив голову, разглядывает носки своих туфель, потом, будто «переобувшись», резко вскидывает глаза. Эти его перемены меня немного пугают и в тоже время завораживают. Необычный он всё-таки.

– А у моего отца близкий друг Дима полез к бабам на балкон в общежитии и сорвался с девятого этажа. Ему было двадцать, и меня назвали в его честь.

– Это ужасно. – Вдыхаю ночной воздух носом, сочувствуя.

Мажор подходит ко мне, берёт за руку, заставляя мурашки ползти по спине, и вместе мы перебираемся через овраг.

– Залезть на балкон – не самая удачная идея, верно? – стараюсь быть аккуратной в своих суждениях.

– Да полная тупость, Иванка, учитывая, что он был пьяным.

По дороге сюда оврага я не припомню, из чего делаю вывод, что идем мы куда-то не туда, хотя, возможно, я ошибаюсь. Его рука горячая и сильная, мне приятно от прикосновения к его коже, ибо я начинаю мерзнуть. Вроде бы на дворе жаркое лето, а как-то постепенно становится холодно.

Я рада, что мы перестали говорить о его отце. Мажор поделился со мной всем этим не от хорошей жизни. Догадываюсь, как ему больно. А я теперь вроде как соучастник. И мне искренне жаль молодого парня. Не каждый человек сможет выдержать подобное поведение со стороны родителя. «Стальной магнат» – таково прозвище его папочки и, оказывается, он такой сильный только в присутствии своих охранников. А на самом деле больной на всю голову.

Не представляю, что бы делала, знай я о своем отце что-то такое. Наверное, сошла бы с ума от горя и чувства вины по отношению к девочкам.

Рука мажора по-прежнему греет мои ледяные пальцы. Честно говоря, мне всё время кажется, что в кустах кто-то есть, какое-то страшное дикое животное. Здесь столько зву-

ков и шорохов. Странно, что нас никто не ищет. Неужели его отец разозлился настолько сильно, что бросил сына на съедение диким кабанам?

Когда Дима не рассказывает о своих проблемах с отцом, он смотрит на меня по-другому. Как будто разбирает на кусочки, желая попробовать. Мне тут же становится неловко, ведь опыта у меня никакого, а мажор, судя по всему, только и делает что щёлкает девчонок, подобных мне, как семечки.

– Так значит, ты и этот парень типа бывшая парочка? – ему легче болтать обо мне, и это понятно.

– Нет. Ну, в смысле да. Хотя нет, я не знаю. Да неважно.

Ну не признаваться же первому встречному, что я сама виновата в том, что мой парень женился на другой. Время сейчас не то, никто не тянет с этим делом. Снегурочек и Золушек по пальцам пересчитать, и держатся за них, только если они, как Маринка, родились с золотой ложкой во рту. А так, не раздеваешься ты, помогают парням другие. Свобода нравов.

– Он тебе изменил? Загулял с Маринкой?

Дёрнувшись от неприятного мне разговора, пытаюсь вытянуть из его цепких пальцев свою ладонь, но у мажора на этот счёт свои планы. Он, кажется, отключился от гнусности, связанной с его отцом, и взялся на полном серьёзе за меня. Это так странно. Я понятия не имею, как вести себя с такими парнями. Наверное, надо противиться их настойчивости, но это его территория, а я маленький, загнанный в угол зай-

чишка. У меня опыта-то с пальчик младенца.

– Нет, он просто сказал, – замявшись, – что нам надо рас-
статься.

Дима осматривает меня так, будто ищет на лице изъяны. В ушах тут же шумит. И я проклинаю луну, которая сегодня большая, круглая и невероятно яркая. Мне так хорошо видно его лицо.

– Не понимаю. – Он снова откидывается на ствол тиса, запрокидывает голову и смотрит на меня сверху вниз. – Наверное, дело в бабках, ты гораздо красивее Маринки.

На щеках непроизвольно вспыхивает румянец. Милые и немного дурацкие комплименты моментально располагают неопытных дурочек вроде меня. И умом понимаю, что он наверняка говорит это всем подряд, но всё равно приятно.

А ещё эта его улыбка, выбивающая дух, наполненная цинизмом и развязностью. И ведь работает! Я плыву, сама не понимаю, как это выходит. Сразу же начинаю задумываться о своей особенности в его глазах. Это, наверное, женская психика так устроена. Дима вкупе со спасением и этими своими комплиментами, которых от других парней я и не слышала раньше, вдруг кажется мне очень привлекательным и редким. Другой бы плюнул на «увлечение» отца, а этот помог мне, спас. А может быть, всё дело в его карих глазах, которые в ночном лесу кажутся мистически черными.

– Ему просто было интереснее с ней, чем со мной.

– Да ладно, – смеётся мажор. – Маринка – дура, она и ал-

фавит-то освоила только в третьем классе.

Мне тоже смешно. Не думаю, что это правда, но его поддержка цепляет. Между нами натягиваются незримые линии. Было бы неплохо сейчас получить веткой по лбу, потому что очаровываться богатым избалованным мажором – очень опасное занятие.

– У тебя есть какое-нибудь хобби?

Качаю головой, пожимая плечами.

– Учусь, помогаю родителям дома и на даче, иногда встречаюсь с подругами. Выгуливаю Антона.

– Я обожаю скорость! Спортивный картинг, слышала о таком?

– Конечно. Это такие маленькие машинки!

– Маленькие?! – оскорбившись, возмущается мажор. – Да что ты понимаешь, дамочка? Картинг – первая ступень в автоспорт. Большинство гонщиков Формулы-1 начинали свою карьеру с картинга; среди них Михаэль Шумахер, Мика Хаккинен, Фернандо Алонсо. А ты говоришь, маленькие.

– Ну ладно-ладно, ок.

– Свожу тебя как-нибудь, покажу там всё.

От подобного задела на будущее мне становится неловко. Смотрю на него, как на рожок мороженого. Аж внутри всё вспыхивает. Надо в руки себя взять. Он, может, шутит.

А в его глазах снова проскальзывает тоска. Даже не представляю, каково это – быть причастным к такому. Ведь сам

Дима понимает, как ужасно то, чем занимается отец. Ему стыдно передо мной за то, что стала свидетелем его слабости. Но и обидеть меня он не дал.

И как-то незаметно мы выходим к площадке, где празднуется свадьба. Как будто и не было того кошмара.

– Иванка, ты где была? – Бежит ко мне Машка, раскрыв руки, смотрит с опаской на Диму.

– Гуляла, – отвечаю я.

Конечно, я не подставлю его, не расскажу о том, что было. Ради него промолчу.

Глава 2

– Дима! – слышится женский голос за моей спиной.

– Ну Димоочка! – вторит ещё один, более визгливый.

Сколько же у него фанаток? Не успели выйти из леса на поляну, как мажора облепили со всех сторон. Под навесом звучит тихая медленная мелодия, парочки разных возрастов покачиваются в танце. Похоже, официальная программа закончилась. Обстановка на празднике стала более спокойной и интимной. Половины гостей уже нет, оставшиеся развлекаются в более камерной атмосфере. Свет приглушён.

Эти девушки, которых я даже не вижу, потому как считаю, что выискивать Диму глазами будет уж слишком навязчиво, так сладко произносят его имя. Они явно жаждут его внимания. Непривычно, когда такая конкуренция. Мне кажется, я даже немножечко ревную.

– Дима, мы тебя потеряли?! Ты только пришел на пати и сразу же куда-то исчез. Твой папа уже уехал. Мы спрашивали у Егора Валентиновича о тебе, но он не ответил. Мы же скучаем. Дима, ну нельзя же так с нами!?

Егор Валентинович, значит. Вот как зовут этого ужасного, злобного, озабоченного придурка. Интересно, а к этим, щебечущим вокруг его сына, наверняка, богатым и славным девчонкам, он не приставал? Не гонял их по лесу с охранниками? Или он нарочно выбирает бедненьких, одетых с рын-

ка? От мажорок малосемейкой на окраине города не откупишься. В принципе, правильное решение. Дима кричал ему о своём дедушке. Думаю, если покопаться в его родословной, окажется, что именно дед у них на крутой должности, может быть, в правительстве, раз уже Валентинович так быстро собрался из лесу, испугавшись этой угрозы и собственного сына. Он, скорее всего, женился на матери Димы и получил возможность раскручиваться. Вот бы рассказать этому деду, чем зятёк промышляет.

Нет, не буду об этом думать, все психологи мира сходятся на том, что неприятные события надо выкидывать из памяти прочь, заменяя хорошими и добрыми.

А девочки продолжают щебетать вокруг мажора. Я прям вижу, как они сладко дуют губы, произнося его имя. Как хорошо, что я держусь из последних сил и не смотрю в их сторону. Представляю, какие там сплошь стильные и модные чики. Современные красавицы, старающиеся выбирать косметические средства с натуральными компонентами и с удовольствием пополняющие гардероб нарядами, расшитыми разноцветными камнями и бусинами. Это другой мир, мне в нём не место.

– Дима, нам без тебя тут никак!

– Я даже ещё не ел, девочки, дайте хоть за столом посидеть, – слышу знакомый приятный смех. – Дико проголодался.

Этот потрясающий звук – его глубокий баритон – удаляет-

ся. Как и женские голоса. Печально усмехаюсь. Породистые псы не должны таскаться с дворовыми собачками, иначе получатся не идеальные щенки с родословной, годные для выставок и турниров, а нечто непонятное с отвисшими ушами и длинным кривым хвостом на три четверти длиннее положенного регламентом.

Становится грустно. Наше знакомство закончилось так быстро. Но мы из разных социальных слоёв. Такие, как я, не едят на днях рождения эксклюзивный шоколад «Виспа Голд» в упаковке из сусального золота стоимостью тысяча шестьсот баксов за плитку. У нас всё проще: наш «Альпен Голд» куплен в «Пятёрочке».

Очень хочу вернуться домой, в безопасное место, туда, где меня не достанет Димин отец. На людях он нападать не станет, побоится за свою репутацию. Его вроде бы здесь уже нет, но... Но мне хочется обернуться и посмотреть на своего спасителя ещё раз. Но Диме уже не до меня, и я не даю себе даже шанса.

Сердце стучит очень быстро и резво, будто кузнечик по залитым росой травинкам. Внутри странное возбуждение. Невероятная смесь чувств: от страха до восторга, от испуга до волнения, а следом сильного притяжения.

– Машка, Катька поехали домой, – выдыхаю, приближаясь к столу, где прямо возле меня стоят куриные рулетики с сыром, картошка по-деревенски, мудрёные салаты, закусовые шарики и помидоры дольками с итальянским акцен-

том. – Возьмём одно такси на всех?

– Еще немного потусим и поедем, – бубнит Катя и запикивает в рот бутерброд, щедро намазанный икрой.

Поправив пышное декольте и убирав с лица свои рыжие волосы, тянется к тарталеткам с авокадо, сыром и красной рыбой.

– Сколько жратвы осталось, уму непостижимо. Собрать бы в пакеты.

– Господи, Кать, не вздумай, у этой Мариночки полно влиятельных друзей, мы будем выглядеть как идиоты.

– А чё?! – вторит Машка. – У меня есть, специально купила фасовочные для завтрака. – Раскрывает сумочку, демонстрируя новый рулон.

– Вон те роллы из блинов с икрой, бабоньки, вообще никто не трогал, – смеётся Катя и снова тянется через стол к тарелке.

– Вы как моя бабуля с крестной, но тем хоть по семьдесят. Они как на поминки сходят, так два мешка тащат. Вы что, еды никогда не видели?

– Такой – нет, – хохочет Машка. – Поживёшь с моё в общаге, научишься ценить каждый кусочек хлеба.

– А мой Генка опять с работы вылетел, у них на заводе какая-то пертурбация произошла, и теперь нам сложнее в магазин без денег ходить. У нас теперь главное блюдо дня – роллтон с грибами, роллтон с чесночным соусом, роллтон с креветками. Я ему уже жареные куриные крылышки в

соево-пивной глазури набрала, осталось шашлычка из лосося натереть, и пару дней будем пировать.

Вроде бы верно девчонки говорят: по большей части всю эту еду либо официанты растащат, либо выкинут. И всё равно как-то стыдно. Даже представить страшно, что я почувствую, если такой парень, как Дима, увидит меня, собирающей еду в пакетик для завтрака за шестьдесят копеек.

– Ну как вам праздник? Всего хватает?

А вот этот молодой мужской голос как будто режет слух, заставляя неприятно поёжиться. У меня такое ощущение, словно кто-то царапает вилкой ученическую доску, настолько мне невыносимо его слышать. Я надеялась, что ему хватит совести игнорировать моё присутствие.

К нам подходит счастливый молодожён. Кирилл собственной персоной. Я про него вообще забыла. Ещё час назад плакала, что он женится не на мне, а теперь столько всего произошло, что его голос скорее раздражает, чем вызывает тоску. Сейчас я смотрю на это иначе.

– Спасибо, что пришла, Иванка, – сочувственно. – Для меня это очень важно.

Стоит вальяжно, в одной рубашке, пиджак где-то потерял, слегка поддатый и довольный собой. Пожалеть пришёл, гад. И для меня меняет тембр голоса, как будто подчёркивая, что я брошенная бывшая девушка, что я здесь вся такая несчастная и меня надо поддержать.

– Отличный праздник, – шепчет, воровато оглядываясь. –

Всё по высшему классу. А ты сегодня красивая.

И это из-за него я столько плакала? Я даже не знала, что он может быть таким циником. С глаз слетают розовые очки. Надо было уезжать самой и не ждать девочек. Кирилл смотрит на меня с такой жалостью, что меня аж дрожь пробирает. Вот же говнюк. Изменил, на другую променял, женился, а теперь вот решил поинтересоваться, как я тут у стола, достаточно ли наелась.

Но Кирилл резко перестает улыбаться и смотрит куда-то за мою спину. И даже, кажется, выпрямляется, поправляя рубашку.

– А я тебя везде ищу, лапочка. Не подашь мне вон те маленькие корзиночки со странной начинкой?

К моей спине прижимается твердая мужская грудь, и от обдавшего меня жара хочется закрыть глаза и тихо заскулить от удовольствия. Близость дыхания мажора заставляет волосы на шее стать дыбом. А от приятного звука его глубокого голоса не то что козёл Кирилл, вся планета с её жителями перестает существовать, растворяясь во вселенной. К черту её, пусть разлетается на молекулы. Мне сейчас не до этого. Я снова чувствую его дорогой пьянящий парфюм.

Дима сажает меня за праздничный стол напротив себя и какое-то время просто ест, увлеченно орудуя ножом и вилкой. После пережитого стресса я совсем не голодна, тайком наблюдаю за тем, как ест он, поглощая всё, что стоит перед

ним: и рыбу, и мясо, и овощные салаты с тарталетками. Здоровый мужской аппетит – это прекрасно. Я отчего-то смущаюсь. Он снова спас меня, на этот раз показав Кириллу, кого именно тот потерял – желанную для других мужчин девушку. Нет предела моей благодарности.

– Лапочка, тебе не кажется, что здесь становится скучно? – говоря эти слова, Дима пытливо рассматривает меня, желая проникнуть в мою душу.

Уверена, темноглазому демону подвластно даже это. Он такой необычный. И я не нахожусь с ответом. Кокетничать я особо не умею, да и куда мне соревноваться с его поклонницами? Уж у них искусство флирта доведено до совершенства. Вряд ли я чем-то удивлю его.

Мы смотрим друг на друга молча, как будто пронизывая взглядами один другого насквозь.

– И жарко, – добавляет Дима.

А затем выливает себе на голову бутылку питьевой воды. Разулыбавшись, немного краснею. Богатый, самоуверенный, красивый и ненормальный. Его волосы слипаются на макушке и даже это ему идёт, делая ещё смелее и ярче. Смотрится будто протест против торжества, где все должны быть чистыми и опрятными. И это захватывает. Я бы так никогда не смогла, а он – пожалуйста. Вода течёт на дорогой костюм. А Дима стряхивает капли с волос, точно пёс. Смеюсь, заморожено наблюдая за ним. Все те запреты, что засели у меня в голове, для него просто не существуют. Мы из разного теста.

Гарантирую – он легко обведёт меня вокруг пальца. Но я не могу ему сопротивляться. Слишком чёрные у него глаза.

Дима заканчивает с едой, встаёт и, продолжая гипнотизировать взглядом, снова подаёт мне руку и уводит прочь. Тащит куда-то по тропинке, к дороге, подальше от чужой свадьбы и пафосного праздника, и самое интересное, что я – такая правильная и такая домашняя девочка – иду за ним.

Меня окликают девчонки. Слышу Катькин и Машкин голоса, но как-то вдалеке, словно сквозь дымку. Даже не оборачиваюсь. Крепкая мужская рука, сжимающая мои тонкие девичьи пальцы, подчиняет, не оставляя выбора.

– Позвони маме и скажи, что сегодня не вернёшься, – требует Дима низким глубоким голосом, слегка обернувшись ко мне и улыбаясь, словно и не приказывает вовсе.

И как у него так получается, что я уже послушно роюсь в сумочке в поисках мобильного?

Мама совсем не в восторге, но я впервые резко прерываю разговор, не дослушав её причитания, потому что Дима выводит меня к стоянке, где нас ждёт его машина. И я теряю дар речи. Его тачка ещё круче его самого – потрясающий спорткар ярко-жёлтого цвета.

– Что это за машина?

Я правда не разбираюсь. Вижу перед собой невероятной красоты автомобиль с открытым верхом, обжигающе блестящими боками и хищными фарами, от которых в восторге стынет кровь в жилах. Машина такая чистая и блестящая,

что в ней видно моё отражение. Если бы могла, я бы поцеловала её бампер, настолько эта малышка шикарна. Но, боюсь, Дима не поймёт.

– «Шевроле Корвет С6 Кабрио». Американский спортивный автомобиль, – как бы нехотя, лениво объясняет мажор, – кабриолет S-класса. Марка выпускается уже шестьдесят пять лет и считается самым популярным спорткаром в Европе.

Пожимает плечами, мол, что тут такого, и открывает для меня дверь. А я поверить не могу, что смогу прокатиться на такой машине. Это же сказка.

– Оснащён двигателем шесть и два литра, улучшенной выхлопной системой, задним приводом и шестиступенчатой коробкой передач: автомат и механика. Тормозная система базируется на дисковых вентилируемых тормозах. Амортизаторы держатся на независимых двухрычажных подвесках, – рассказывает Дима, поглаживая панель.

Я аккуратно присаживаюсь, как будто боюсь испачкать машину собой. На моих балетках полно грязи – я же шастала по лесу, и неловко стучу ногами друг об друга, отряхивая подошвы. Впрочем, мажор на это внимания не обращает.

Внутри шикарно и стильно. Салон обтянут натуральной кожей. Очевидно, что вон то – бортовой компьютер, усовершенствованный в соответствии с последними технологиями, а там – сенсорная панель управления и умный руль, предназначенный для безопасного вождения. Боже, сколько же сто-

ит это чудо? Спрашивать как-то неудобно.

– Ну что, прокатимся, лапочка? – подмигивает мне Дима, блокирует двери, и машина трогается с места.

Не могу вздохнуть, грудь буквально распирает от впечатлений. Его машина смотрится претенциозно, ярко и модно. Дима тут же набирает большую скорость, от восторга шумит в ушах. Мажор ничего не боится, он виляет по тёмным улицам, демонстрируя динамику и отличную управляемость авто. Сила и маневренность кара шикарно подчеркивают пробивной и смелый характер самого Димы. Они подходят друг другу. Идеальный дуэт машины и человека. Красивый внешне и стильный во всех отношениях мажор просто не может гонять на другой машине. Меня пробирает щенячьим восторгом.

– Лапочка, ты знаешь, кто такие стритрейсеры? – перекрикивает он шум улицы, завывание ветра и рычание мотора.

– Беспредельщики и нарушители? – хихикнув, ухаю, хватаясь за ручку двери. – К рангу спортсменов не относятся, гоняют, как сумасшедшие до первого поворота на семьдесят градусов с трамплином, – хохочу и с восторгом визжу, когда Дима осуществляет очередной крутой вираж.

Стрелка спидометра зашкаливает, мои волосы треплет ветром. Но я всё равно в диком восторге. Это такой адреналин.

– Ххахаха... вы, женщины, понятия не имеете, что говорите. Думаешь, ты села за руль, дёрнула автомат, и машина

поехала? Фигушки! Стритрейсинг – это искусство, дар, дающийся при рождении, так что закрой глазки и просто почувствуй, какой это кайф!

Дима закрывает свои, а я ору на него.

– Открой глаза!

И почему-то продолжаю смеяться.

– Мы люди, для которых жажда скорости – цель жизни! Водители, которые не держат в автомобиле стояночного тормоза и готовы всегда рваться вперед, Иванка! – кричит Дима, улыбаясь мне и подмигивая. – Мы уличные гонщики, готовые в неожиданный момент оказаться в миллиметре от твоего движущегося транспортного средства! Мы совсем не хулиганы, как считают некоторые! Мы не гоняем ночью по улицам на автомобилях, нарушая правила дорожного движения!

Резкий поворот вправо, и нас почти заносит, но Диме удастся выровнять автомобиль. Я визжу и уже непонятно – от страха или от восторга.

– Уличные гонщики – это своего рода организация! – продолжает мажор, но уже не так громко, читая свою лекцию, явно подготовленную заранее. – Общество, где действуют свои правила. И каждый стритрейсер обязан их выполнять. Для нас одним из основных канонов является – не нарушать правила дорожного движения. Поэтому в зимнее время мы отправляемся на окраину города, где спокойно, никому не мешая, гоняем по сугробам на своих автомобилях как душе

угодно. У нас, у стритрейсеров, есть своя особая философия. Мы даже летом гоняем по определённом участку, но обязательно в черте своего привычного городка.

– Ну конечно, я тебе не верю!

Можно подумать, сейчас мы не летим со скоростью света.

– Очень зря, Иванка. Сейчас я покажу тебе место, где проводятся соревнования мирового уровня, на старом аэродроме создан настоящий автодром. Организация дрег-рейсинга очень высока. Там круто, лапочка!

Спустя какое-то время Дима притормаживает у высокой будки и к нам выходит настоящий ДПС-ник. Я просто в шоке. Он проверят Димино состояние, документы и быстро осматривает автомобиль. Желая участвовать в гонках, мы регистрируемся. На часах двадцать два ноль-ноль. Сейчас как раз то самое время.

– Выйдешь и посидишь на скамейке или пойдёшь до конца? – ухмыляется Дима, нагло изучая моё лицо и сжимая кожаное колесо руля.

Темноглазый демон берёт меня на слабо. Будь он чуток менее привлекательным, капельку проще и понятнее, я бы отказалась. Но причина в том, что эндорфины, вырабатываемые в процессе общения с ним, вызывают у меня лёгкую эйфорию, подъём настроения, жар в нижней половине тела. Они дают мне крылья!

И я соглашаюсь, захлопнув дверцу обратно, с уверенностью застёгивая ремень безопасности. Сейчас или никогда!

Дима довольно усмехается и давит на газ на нейтралке, рыча мотором.

Начинается гонка совсем как в кино. Красивые и стройные девушки поднимают вверх руки с флагами, и по их знаку автомобили срываются с места. Кто первый преодолеет черту финиша, тот и победит. За участие в заезде Дима заплатил взнос. Из денег участников и собирается призовой куш, который забирает победитель. Понятно, что чем больше участников, тем выше сумма приза. Сегодня нас пятеро. Мы несёмся по ночным улицам. И это кайф.

И меня снова накрывает настоящая эйфория, слишком быстрый был переход от максимального нервного напряжения и переживаний к расслабленной радости. Всё меняется так быстро, что я не успеваю следить за дорогой. Как это делает Дима, для меня просто загадка.

Мгновенный ужас понимания, на какой именно скорости мы несёмся, проходит по телу отрезвляющей волной! Мы сейчас разобьёмся! Но Дима снова уворачивается, на этот раз в миллиметре от столкновения с чёрным «субару»! Мажор умудряется не только избежать аварии, но и вырваться вперед. Лидировать! И шум мотора возвращает сознанию кристальную ясность проносящихся с бешеной скоростью мыслей. Охренеть, как же круто! То, что я сейчас испытываю, чем живу – это ни на что не похоже! Я как будто попала на смертельный аттракцион, и теперь он стал частью моей жизни! И задача уже не просто получить удовольствие,

а выжить!

А Дима зло скалится и прокладывает себе путь с головокружительной скоростью, заставляя другие тачки расстуться. Он самый крутой! В нём так много магнетизма и здоровой мужской агрессии!

Кто бы сомневался – он приходит к финишу первым. И я рядом с ним. От восторга из груди выпрыгивает сердце.

– Мы победили! – кричит он, улюлюкает, рычит, бьёт себя в грудь.

А затем поворачивается ко мне и в следующий миг наклоняется, оставляя на моих губах неистово-жадный поцелуй.

Глава 3

– Я покажу тебе одну крутую гостиницу, там с крыши виден практически весь город. С ума сойдешь от впечатлений.

На этот раз он не просто держит за руку – Дима переплетает наши пальцы, второй рукой управляя машиной. И на минуту мне вдруг кажется, что мы вместе, настоящая пара. Что я его девушка.

Меня распирает от эмоций, я чувствую себя словно в сказке. Это волшебно, неповторимо, обалденно. Я как будто лечу и никогда в жизни не была так счастлива. Это всё он. Это из-за него. Скорость, гонка, ночной город, немного игристых пузырьков и Дима. Когда мой мажор рядом, меня словно подбрасывает вверх. Как на батуте. Не замечаю, как быстро мы оказываемся на парковке, возле пафосной неоновой вывески. Как оставляем машину и идём к зданию.

Я дышу, будто запыхалась, и, взявшись за руки, мы действительно бежим по холлу какой-то шикарной и очень дорогой гостиницы. Здесь светло, высокие потолки и помещения просто огромные. В блестящем мраморном полу с шахматной плиткой отражаются наши фигуры.

Администратор улыбается Диме, встречая его как давнего друга или старого знакомого. Но я не обращаю на это внимания, лечу как бабочка на свет, испытывая наслаждение. Мне так нравится, что все девушки оглядываются на Диму, зави-

дуя мне. Да, он великолепен, и он мой. Сегодня точно мой!

Мы целуемся в лифте и не можем остановиться, от нашей срасти буквально разлетаются искры. Со мной такое впервые. Уверена, Дима не может быть таким со всеми. Грудь распирает от эмоций, ожидания и восторга.

Опьянённая сегодняшним вечером, я оглядываюсь по сторонам. Номер, куда привел меня Дима, просто огромный. Здесь легко поместится вся наша трёхкомнатная квартира. Я подхожу к окну в пол и с замиранием сердца рассматриваю ночной город.

– Кажется, ты хотел отвести меня на крышу? – улыбаюсь, понимая, что ни на какую крышу мы уже не пойдём.

– Потом, – выдыхает. – Ты такая красивая. Какая же ты горячая и красивая. Маринка тебе в подмётки не годится. Твой Кирилл – дурак.

Он говорит то, что нужно: правильные вещи. И медленно подходит ко мне, слышу его шаги и очень-очень волнуюсь. Я так сильно доверяю ему сегодня. Свою жизнь, своё сердце и своё... тело. Впервые, щедро, открыто и искренне. Таких парней я не встречала и ещё никогда не была на седьмом небе от ощущений. Если не он, то кто? Сколько эмоций, радости, волнения. Я бурлящий вулкан, я хочу всё и сразу. А Дима, он – фейрверк, и когда я смотрю на него, задрав голову, хочется визжать и прыгать.

Моей маме это не понравится. Ведь я знакома с Димой всего несколько часов, но не могу объяснить, просто знаю,

что не смогу ему отказать, остановиться, уйти и разочаровать. Это моя жизнь, и я хочу прожить её, как решу сама. Я уже ждала одного парня, и вот что из этого вышло. Да и не могу сейчас сделать и шагу, когда запах Диминого парфюма окутывает меня, лаская. Он прижимается широкой, мощной твердой грудью к моей спине, кладет руки на живот, гладит. Он такой невероятный и сильный. Он настоящий мужчина, он моя ожившая фантазия.

Он откидывает мои волосы и целует шею. Нужно ли говорить, что никакого Кирилла больше не существует? Он не давал мне и половины того, что я сейчас ощущаю. Придумала себе историю любви, и сама же в неё поверила. Кирилл обыкновенный, среднестатистический парень. Как хорошо, что я не поддалась его уговорам и сохранила себя для этой неповторимой, яркой, особенной минуты.

Даже объятия мажора похожи на сказку. Сердце ускоряется, я дрожу от предвкушения. В этом мужчине так много загадочного. Язык не поворачивается назвать его парнем. Он станет моим первым мужчиной, потому что я так решила, потому что лучше я никогда не найду.

– Ты просто богиня, лапочка. – Ласково касается меня Дима. – Нежная, вкусная, сладкая.

Я всё ещё стою к нему спиной, лишь поворачиваю голову, запрокидывая, и мы целуемся.

Хотя нет, просто поцелуй – это другое, Дима впивается в мои губы. Это ни с чем не сравнимый кайф.

Спиной чувствую твердость мощной мужской груди. Когда он успел снять рубашку?

Его загорелые мускулистые руки сводят меня с ума, я трогаю его бицепсы. Он рассказывал, что много занимается спортом, сейчас я вижу это. Выглядит просто обалденно. Моё платье открыто со спины, и, прижимаясь друг к другу, мы ощущаем прикосновения кожа к коже. Непривычно, но тягуче приятно и сладко.

Чувствуется, что он опытный, пальцы длинные, сильные и уверенные. Дима такой страстный, ему мало.

Столько эмоций, запретных желаний. Нет, я не передумую, я не дам заднюю. Его запах, его сила, его огонь – другого я не хочу.

А я испытываю восторг оттого, что мы заходим так далеко, оттого, что его руки делают со мной невиданное ранее. От его похвалы. Этот риск заводит меня. Ведь это впервые. Всё только с ним. С Кириллом у нас никогда ничего толком не было, кроме поцелуев, сейчас я понимаю, что не хотела его. Вообще никого не хотела, потому что с Димой я просто ничего уже не соображаю.

И пока я отвлекаюсь на поцелуй, всё ещё прижимает мою спину к своей груди и развязывает лямки на платье.

Оно падает вниз, к моим ногам.

Я ничего не вижу, в глазах мутно из-за желания. Дима как будто заколдовал меня, и я делаю всё, как он хочет. Он идет дальше...

– Ай, стой!

– Ты ещё никогда, верно?

Мажор останавливается.

– Хочешь, чтобы я прекратил? – звучит отчаянно и глухо.

– Нет, – неуверенно, но жадно и смело, – хочу, чтобы продолжал.

– Ты такая обалденная, я сейчас взорвусь. Иванка, меня так сто лет не штормило.

Всё происходит так быстро. Он стягивает с меня нижнее белье, а с себя брюки и снова кидается ко мне.

– Сюда идём. – Подталкивает к кровати, целует в губы.

Между нами разгорается пламя. Уверена, мы созданы друг для друга. Вся жизнь сейчас играет музыку нашего влечения. Всё идеально.

Боюсь, переживаю. Хочу и не хочу одновременно.

– Расслабься, у всех бывает первый раз.

Дима роется в карманах брюк, валяющихся на полу. Я ценю, что он использует защиту.

Всё же боязно. Но в Диминых глазах отражается целый мир. Он самый красивый из всех виденных мной парней: сильный, с мощным, мужским телом, с загорелой кожей. И всё это – для меня. Он – для меня. Он снова гладит мою кожу, так нежно и трепетно, словно я дороже всего на свете.

– Такая вкусная, сладкая девочка и сейчас будешь моя.

Мы соединяемся в этом огненном танце любви и страсти. Срываюсь в какую-то бездну, испытывая смесь боли и радо-

сти. Страха и наслаждения. Это очень странное ощущение, но спустя время борьбы и неги, оно мне уже нравится. Дима очень активен!

Боль быстро стихает, и всё становится как-то иначе. Ярче, ошутимее. Между нами разгорается мощное пламя, способное снести обоих. Ничего уже не важно. Я принадлежу ему и это прекрасно.

Кажется, мне повезло и мой первый раз полон радости. И совсем не такой ужасный, как рассказывали Катька с Машкой.

– Лапочка, ты просто бомба! – Тяжело дыша, держит своё тело на вытянутых руках надо мной. – Я сам себе завидую, что тебя встретил.

Ухмыльнувшись, наклоняется и целует, кусает губы. Ослабленный и удовлетворенный, он что-то замечает, тут же хмурится.

– Вот чёрт! Кажется, у нас проблема – защита порвалась. Надеюсь, ничего страшного? – смотрит он на меня очень внимательно.

Я просыпаюсь оттого, что в дверь нашего номера кто-то стучится. Сажусь, осматриваясь по сторонам, испытывая тревогу и страх. Рядом лежит Дима, он занимает большую часть двуспальной кровати, покрывало прикрывает лишь половину тела. Вижу загорелую спину, чёткий контур лопаток и прямой столб сильного позвоночника, его широкие плечи

расслаблены, мощные руки обнимают подушку. На часах половина восьмого, он спокойно и безмятежно спит.

А я, подтянув колени к груди, натягиваю одеяло повыше, жмурясь от громких ударов в дверь. Мне страшно и плохо. Сама я открывать не пойду, а будить Диму стесняюсь. Сейчас, когда ночная эйфория прошла, когда на полу чертят зигзаги первые солнечные лучи, на меня нападает приступ самобичевания.

Что я натворила? Как я могла пойти до конца с едва знакомым парнем? Я ведь увидела его впервые меньше суток назад. Мы даже не встречаемся. Мы не пара. Разве такие, как Дима, заводят серьёзные отношения? А я ведь толком не спросила, возможно, у него есть постоянная девочка, такая же, из богатых. Надо было полтора года ругаться с Кириллом из-за невинности, чтобы вот так беспечно лишиться её с первым встречным. Пусть и потрясающим первым встречным.

Я зубами сжимаю одеяло, вдавливая голову в плечи. Никакая я не горячая, я глупая и наивная. Это всё мама с её фразами: «любовь ты поймешь сразу», «он будет лучше других», «настоящая любовь никуда не уйдёт», «ты встретишь принца, и вы поженитесь». У меня просто отказали мозги, пропитанные всей этой сказочной мутью про «того самого». Я встречалась с Кириллом и подсознательно чувствовала, что он – не тот.

Мне вбивали годами, что придет ОН и всё будет, как надо.

Но я ведь школу с золотой медалью закончила и должна была понимать, что, может, Дима и самый классный парень из всех, кого я знаю, но он точно не женится на мне после случившегося. И я не представляю, как мне жить дальше. Теперь я грязная и испорченная, а тот, кто это сделал, ничего мне не обещал. Боже, ну какая же я, оказывается, идиотка.

И мама будет переживать – я практически бросила трубку, ничего толком не объяснив. Никогда я не делала так. Ни разу я не прерывала разговор, настояв на своём. Всегда улаживала конфликт, а тут как будто чокнулась.

Я не могу так, я ведь не такая смелая. Что на меня нашло? Мне нужны гарантии, или я сожру себя изнутри. В глазах крутятся слёзы. Отец убьёт меня, когда узнает. О чём я вообще думала, позволив мажору снять с себя платье?

– Ну что за грохот? И это называется люкс, – стонет Дима, приподымаясь на кровати.

Я натягиваю одеяло ещё выше. Никогда не видела голых парней, никогда не была всю ночь с мужчиной в одной постели. Это должен был быть мой муж.

Дима встает с кровати и как есть – абсолютно голый – идёт открывать, почёсываясь при этом. Он не стесняется своей наготы, а я исподтишка плююсь на его крепкую спину и то, что ниже, но для меня это какая-то другая, параллельная вселенная. Я не смогла бы быть такой вот свободной.

– Дмитрий Егорович, извините, ради бога, у вас внутренний телефон не работает, – слышу голос горничной или ад-

министратора отеля.

Поворачиваю голову, и действительно: гудит трубка, брошенная на пол. Наверное, вчера мы случайно скинули аппарат.

– Моя дочь здесь?! – неожиданно вдалеке звучит голос матери, и кровь буквально стынет жилах.

– Ты! Ты?! Ты что с ней сделал?! Подонок! – а затем и отца.

Мои родители!?! Они здесь? Какой кошмар! А на Диме даже трусов нет. Он ведь так и открыл дверь... И они его видят. Мои папа и мама. Без всего.

Я спрыгиваю с постели, ничего не соображая, в истерике и ужасе собираю белье и одежду с пола. Руки трясутся. На простыне видны следы моей невинности. Перед глазами плывет, меня водит из стороны в сторону. Какой позор! Какой же бесконечный, убийственный стыд! Что подумает обо мне Дима? Мать обзывает его таким словами, что я хочу удавиться. Наконец-то разыскав все вещи, я прижимаю к груди туфли и быстро прохожу мимо Димы, даже взглянуть ему в глаза не могу – боюсь, настолько мне стыдно.

– Дмитрий Егорович, ради бога, извините, гостиница приносит глубочайшие извинения. Эти люди подняли такой шум, мы решили, что произошла какая-то ошибка. Всё, конечно же, будет оплачено за счёт заведения. Мы обязательно преподнесём комплимент от отеля.

– Да ладно, – слышу я Димин голос. – Иванка, – окликает

он меня, но его отвлекает мой папа, оставшийся у двери.

– Я тебя засужу! – орёт отец. – Ты у меня надолго сядешь! Моя девочка! Силой взял, гад! Думаешь, если богатый, то всё можно!

Я иду куда глаза глядят. Бреду босиком по гостиничному ковру, кажется, к лифту, и всё ещё жму туфли к груди. И хочу умереть от этого позора, от ужаса, что испытываю.

– Иванка! Доченька! – Кидаются ко мне мать и отец, оба обнимают.

За спиной хлопает дверь.

– Надо сразу же в полицию.

– Я так и подумала, что с тобой что-то не то. Не могла моя девочка трубку кинуть и на ночь куда-то... Если её кто-то не заставил.

– Он тебе что-то подсыпал?! – рычит отец.

– А этот гусь Кирилл?! Одного борща у нас кастрюли четыре съел, так ещё и на его свадьбе была, бедная моя. Так и знал, что праздник богачей добром не закончится. Жаль, дедовское ружьё у меня на даче осталось, я бы...

– Да прекратите вы наконец! – плачу, тыча в кнопку вызова лифта.

Администраторша спешит по лестнице, не оглядываясь. Стыдно, как же ужасно стыдно и неловко.

– Папа тебя по сим-карте нашёл, дядя Коля же в телефонной компании работает.

– Умоляю вас, замолчите оба, – плачу.

– Сейчас главное – не мыться. Маленькая моя, ну как же так? Надо было на помощь звать. Если мы снимем его био-материал, то в суде сможем доказать.

– Я пошла с ним сама. Успокойтесь, ну пожалуйста.

Возникает пауза. Открывается лифт.

– Как, сама? – затихает мать, выравнивая спину и вытягивая шею.

– Вот так – сама! – плачу громче, тычу на кнопку первого этажа.

– Доча, не надо прикрывать этого богача!

– Я пошла с ним сама! – повторяю надрывно, никогда так не разговаривала с родителями, но их гиперопека довела нас вот до этого. – Потому что он мне понравился, и хватит уже.

В лифте снова тихо, слышно только, как щёлкают этажи, пока мы медленно ползём вниз.

– Не понимаю. Ты хотела отомстить Кириллу? – хмурится отец.

– Нет, я хотела провести ночь с этим парнем. Потому что хотела провести с ним ночь.

Ещё немного тишины, и мама отходит к стене, припадая к ней.

– Аааа, – резко в ужасе прижимает ладонь ко рту. – Просто так отдать свою невинность какому-то проходимцу? Моя чистая девочка не могла так поступить! Он одурманил тебя!

– Пожалуйста, я прошу вас. Я уже совершеннолетняя, я

сама могу выбрать, кому отдавать свою невинность!

Последние слова звучат истерично и как раз в тот момент, когда разъезжаются дверцы лифта. Я всё ещё босиком и не могу сообразить, что балетки не надо нести в руках, их надо надеть на ноги.

Перешептываясь и смеясь, из-за стойки на нас косятся две работницы отеля. Кажется, мои родители подняли на уши всю гостиницу.

– Не смей так разговаривать с родителями! Ты живешь с нами, мы твои самые родные, ты пока ещё учишься, а значит, мы тебя кормим и одеваем. И мы будем решать, потому что мы знаем лучше. – Дёргает меня за руку отец.

А мать плетётся сзади, обернувшись и взглянув на неё, я съёживаюсь. Она разочарована, я её подвела. На неё страшно смотреть, лицо, потемневшее от горя и ужаса. Она воспитывала меня по-другому.

Глава 4

Дима просто закрыл дверь, и всё.

А у меня от звука хлопка сердце почти остановилось. До сих пор бьётся странно, как будто с неохотой, чересчур медленно. Я ведь взрослый человек, несмотря на то, что живу с родителями, мне не стоило слушать их, не стоило думать о том, как это выглядит со стороны. Как для Димы, привыкшего к свободе и весёлой жизни, наверное, дико и нелепо видеть подобный тоталитарный контроль.

Не нужно было стыдиться их, не нужно было уводить прочь, пусть бы орала, его семья тоже неидеальна. Просто остаться с ним и поговорить. Но я слишком слабохарактерный человек, чтобы справиться с такой ситуацией. И сбежать от этого всего показалось мне лучшим выходом.

Хорошо было бы встретиться с Машкой и Катькой, поговорить: они-то точно знают, что мне теперь делать.

Наверное, на месте Димы, я бы тоже хлопнула дверь, вернувшись в номер, если бы ненормальные, старомодные мужик с бабой орала на меня, обзывая насильником. Хотела бы только одного: чтобы они замолчали.

Он звал меня. Но я не смогла. С одной стороны, привыкла слушаться родителей, с другой – хотела скорее увести их от номера подальше. Потому что то, как они контролируют всю мою жизнь, вплоть до половых отношений – это позор. Я

ведь уже не ребенок.

Все мои знакомые девочки занимаются этим! Все! Плачу, не в силах сдержать слёз. В этом нет ничего сверхъестественного. Это нормальная потребность организма в двадцать лет. И выходят они потом замуж, и никто не кричит, что они «порченые», и всё у них отлично.

Но мои родители... Они даже не дали мне шанса что-то объяснить, просто стали истошно орать.

Не хочу больше жить.

Дима не виноват, это всё мои больные на голову родители. Как можно было устроить всё то, что они устроили? Они ведь даже не звонили, неотвеченных нет, сразу же начали облаву, будто я какая-то третьесортная гулящая девка.

Представляю, что Дима подумал обо мне. Не ожидал, наверное, что ему достанется такая. Он в Лондоне жил, ему любая с радостью улыбнётся, а мне теперь родители жизни не дадут.

Захлопнув дверь нашего землистого «Опель-Зафира» двухтысячного года выпуска, я устраиваюсь на заднем сиденье и продолжаю плакать. Он не захочет связываться с такой. Зачем ему эти проблемы, когда у него полно нормальных девочек, покрасивее и побогаче? Ну и на кой ему моя невинность, к нему очередь таких стоит. А я забыть его не смогу, никогда, я ведь себя знаю.

– Я с ней даже разговаривать не хочу, – бурчит мать с переднего, дёргая ремень безопасности.

– Успокойся, Мила. Это наша дочь. Она такая! – комментирует отец, будто я последняя потаскуха.

– Моя дочь не могла оказаться гулящей курвой, – дрожащим голосом, – я не могла такую воспитать.

Теперь и мама начинает рыдать. И мне становится её жалко. Ведь несмотря на все эти старомодные законы, она моя родная мать, и я её очень люблю.

– Я её ведь не этому учила! – кричит, оборачиваясь, взывая к моей совести. – Кто её теперь замуж возьмёт? Кто? Дядя Федор с третьего подъезда, который пять лет как в разводе с третьей женой? – стонет, качая головой. – Хорошему, умному целеустремленному парню, мечтающему иметь семью, вот это не нужно! Он на неё не позарится, – тянет, хлюпая носом. – Я её от этой грязи оберегала. По выставкам водила. Книжки приучала читать. Кирилла того на пушечный выстрел не подпускала. И вот как так? Говорила же: «Не ходи на эту чёртову свадьбу!» Когда она успела только?

– Это всё интернет! – перебивает отец. – Я сколько раз говорил тебе, Мила, надо строже контролировать, что и где она там посещает!

– Ну, Игорьь, ну нельзя же всё запретить!?! Мне казалось, мы с ней нашли общий язык, что мы с ней понимаем друг друга.

В этот момент на мой мобильный приходит сообщение. И мой телефон пиликает. Родители раздражаются ещё сильнее.

– И телефоны все эти надо повыбрасывать! – Тянется мой

крупный отец через кресло, вырывая у меня аппарат из рук, и, вернувшись к вождению, выколупывает сим-карту и выкидывает в окно.

– Отец! – пытаюсь спорить, от ужаса происходящего за голову хватаюсь, сегодня они просто превзошли сами себя.

– Номер тебе новый заведём, чтобы этот никогда не смог дозвониться.

– Отец! – кричу, тянусь, забирая сотовый.

Не хочу даже думать о том, что на самом деле Дима и так не знает моего номера и никогда его не знал.

– Что-то, мне кажется, не то мы, Игорь, делаем, – резко вытирает мать слёзы, трёт щёки кулаком.

– Это ещё почему?

– Кобель гостиничный теперь должен жениться на нашей девочке, раз испортил. Надо к родителям его идти.

Оборачивается ко мне.

– Этот, – мама делает паузу, – мальчик с вами учится?

– Мила, блин, – разразившись громким злым смехом, – приди в себя! Не женится он ни на ней, ни на любой другой девочке, которую испортил. Ты видела, как он перед нами выперся в чём мать родила? Он даже срам свой не прикрыл. А номера в этой гостинице – вся моя месячная зарплата на заводе! Это чей-то богатенький сынок, он удовольствие получил и забыл, как её звали!

– И что теперь делать?! – заходится в новой истерике мать.

Отца я таким ещё не видела никогда. Он зол настолько,

что едва сдерживается. Мне кажется, если бы он не вёл машину, то сейчас с размаху врезал бы мне по лицу. Его глаза налились кровью, а дыхание похоже на выход пара проходящего мимо паровоза.

– Что-что?! Смириться, что дочь твою тупорылую мажор какой-то ради своего развлечения использовал. А раз она такая ограниченная, что сама с ним пошла, то и переживать нечего! – орёт отец, не в силах принять произошедшее. – Дома её запрем, в университет как маленькую водить будем, раз взрослая выросла и не знает, что хорошо, а что плохо. Научим её дисциплине и, самое главное, думать, прежде чем делать. Пусть ей будет стыдно, что батя встречает с пар и провожает на пары!

Дальше я уже не слышу, зажимаю уши, свернувшись в комочек и сотрясаясь от рыданий.

Следующие несколько дней проходят как в тумане. С родителями я не разговариваю. Как и всегда, после крупных ссор в нашей семье, постепенно мама и папа начинают ко мне подлизываться, понимая, что перегнули палку.

Хотя, честно говоря, так сильно они не орали на меня никогда в жизни.

Резкие слова, оскорбления, нанесенные в приступе их чокнутой неандертальской ярости, постыдные обвинения в адрес Димы – всё это никуда не делось, глубоко и прочно засев в моей голове. Обычно я прощала родителей, выгоражи-

вая их, принимая их желание контролировать меня, списывая это на заботу и любовь, находя им оправдание. Но не в этот раз. Даже вздохнуть не могу, настолько сильно они обидели меня, оскорбив и уничтожив.

Я просто не могу их видеть.

Дима... Я так много о нём думаю. Вспоминаю его улыбку, смех, прикосновения, смелость и горячий взгляд. В нём есть всё то, чего так сильно не хватает мне самой. Он живёт жизнью, о которой я только мечтаю.

Закрываю глаза и фантазирую, представляя его поцелуи. Это теперь мой маленький мир, кокон, в который я спряталась, укрывшись от всего мира.

Всё время представляю, что могло бы быть, если бы он не открыл чёртову дверь. Если бы я пошла открывать её сама или попыталась остановить его. Я виню во всём себя, ведь поговори я нормально с матерью по телефону, убеди, что со мной всё в порядке, возможно, они не устроили бы этот цирк. Хотя кому я лгу? Конечно, устроили бы, всё равно стали бы искать, даже если бы я тысячу раз позвонила им по телефону.

Мать снова стучит в закрытую дверь моей спальни.

– Уходи. – Мне приходится собрать все силы, чтобы вытолкнуть слова из-под давящего на грудь камня.

Отец тоже хорош. Всё время пытается что-то починить, пробуя наладить контакт с помощью ремонта покосившейся дверцы шкафа у меня в комнате. Ненормальные, видеть их

не могу.

Удивительно, что они до сих пор не отрубили вайфай в квартире. Впрочем, теперь мне нужно заводить новую сим-карту. Мне никто не может дозвониться. Переписываюсь с девчонками в соцсетях. Они в шоке от того, что случилось.

В следующее воскресенье собираюсь пересечься с Машкой и Катькой в бургерной. О встрече договариваюсь в нашем общем чате.

Отец идёт за мной, будто я какая-то заключенная. И от этого ещё обиднее. Он правда думает, что сейчас я встречу с Димой? И он что? Лишит меня невинности ещё раз?

Оглядываюсь и сажусь за столик в кафе.

– А чё папа твой здесь делает? – кривится Машка, оборачиваясь.

Слава богу, мой отец додумался сесть не за наш столик, а в другом конце зала.

– Я наказана.

– Господи, это прошлый век какой-то, Иванка, тебе лет сколько? Им, блин, может на дачу скинуться, чтобы они свою энергию пустили в мирное русло? Помидоры бы с кабачками сажали. А то такое ощущение, что им обоим ваще делать не хер.

Пожимаю плечами.

– Я смысл их жизни.

– Идиотская отмаза, – злится Машка, покручивая в руках номерок с нашим заказом.

Смотрю на табло, до нас ещё четыре клиента.

– Господи, ну что за конец света? Ты как стала писать, Иванка, у меня просто волосы дыбом.

– Ну я же отдалась первому встречному парню, – зачем-то выгораживаю родителей, как будто осознаю всю плачевность ситуации.

Конечно же, я расписала всё подружкам в чате. Рыдала и жаловалась, а девочки только охали, сочувствуя. Безусловно, похвалили за смелость, осуждать не стали.

– Послушай. – Машка гладит мою руку. – Я понимаю тебя, мой первый тоже меня использовал и бросил. Я его даже не видела больше.

А вот это так себе поддержка. Сердце слегка сжимается. Я, конечно, осознавала, что вряд ли мы с Димой поженимся, но очень хотелось бы увидеть его вновь. А по словам подруги – это вряд ли случится. Опускаю голову, вздыхаю и опять оглядываюсь на отца: он заказал кофе и делает вид, будто пришел сюда поесть.

Паршиво внутри. Вроде и отец мне, а хочется, чтобы он сквозь землю провалился вместе со своим конвоем.

– Может, они ещё встретятся. – Пихает Катя Машу. – Фигню не носи, понятно же, что ты её этим не поддерживаешь, а только расстраиваешь.

А Машка, сходяв за заказом, садится и с грустью откусывает большой кусок бургера.

– Хреновые мы с тобой, Катька, подруги, мы не должны

были её отпускать.

– Вы бы ничего не сделали. Это было как затмение, – прикусываю нижнюю губу, смотрю куда-то сквозь стену. – Как будто, – грустно улыбаюсь, сдерживая слёзы, – любовь с первого взгляда – мгновенная идеализация человека! – горько смеюсь. – Вот, стала трюндеть как чёртов поэт. Смотрела на него и молниеносно появилась какая-то идиотская уверенность: передо мной именно тот, кто сделает меня счастливой.

– Ну он и сделал тебя счастливой.

Снова плачу, а Машка обнимает.

– Ну, Иванка!

– Я не знаю, как это вышло, – плачу сильнее, девочки обнимают меня вдвоём. – Просто хотела быть живой, и он дарил мне так много всего.

После встречи с девчонками нарочно иду мимо нашей машины на автобусную остановку. Отец пытается усадить, но я сопротивляюсь. Не хочу с ним ехать, задрал, ей-богу. По возвращению домой сразу же иду в душ, чтобы побыть одной и избавиться наконец от своего конвоира. Но сквозь шум воды слышу следующее:

– Игорь, пока вас не было, к ней приходили.

Я едва не падаю в ванне, вываливаясь из неё вместе со шторкой. Хватая полотенце, обматываю мокрое, голое тело. Высовываюсь в коридор, с волос течёт вода. Сердце бьётся почти в горле.

– Кто приходил?

Мать нервно поджимает подбородок.

– Кто-кто? Тот, кто искалечил тебе жизнь. – Её лицо искажается.

– Он приходил? – Я почти теряю сознание от переизбытка чувств и ожиданий.

– Наглый же ещё такой. Знает ведь, что натворил, и всё равно приперся.

– Ты взяла у него телефон? Мама, боже. Ты сделала хоть что-нибудь для родной дочери?! – не думая об уважении, кричу на неё.

– Какое кощунство!?! Мне даже в голову не пришло, что я должна брать номер у какого-то парня. Это парни должны бегать за девочками. Я сказала, чтобы он больше никогда не смел приходить сюда.

– Мама, ты совсем сдурела? – В глазах становится темно. – Это не он, а ты мне жизнь калечишь.

– Как ты с матерью разговариваешь? Сейчас тётя Света придёт, и мы все вместе пойдём в церковь. Нужно как следует постараться, чтобы замолить все твои грехи. Иванка, ты опустила ниже некуда. Как теперь с мужем в церкви будешь венчаться, если... – она с шумом втягивает воздух. – Даже произнести не могу этот кошмар вслух. Он зарвавшийся малолетний эгоист. Женился на другой, а мы должны за ним бегать и телефоны просить?! Сейчас же. Если бы не его отвратительная свадьба, ничего этого не случилось бы, и

гнусное положение, в котором мы оказались...

– Кирилл приходил? – уточняю я, а сердце ухает вниз – это не Дима.

– Ну да. Приходил Кирилл, не пойму чё ему в медовом месяце не сидится?

– Не знаю, мне всё равно, – покачиваясь, возвращаюсь в ванную комнату.

Глава 5

Я не нахожу Диму в социальных сетях. Пересмотрела всех Марининых друзей и никого даже близко напоминающего моего мажора среди них не оказалось. Наверное, он там есть, но под каким-нибудь странным ником и непонятной картинкой. Ещё и сны эти про нас двоих, которые каждый день гложут душу и как будто сушат грудь. Он ведь сын богатых родителей, привыкший играть и глазами своими, и ласковыми поцелуями, я должна его всем сердцем презирать, а я как будто бы люблю, волнуюсь и сильно тоскую.

Стараюсь отвлечься. Начала читать список литературы, заданный нам на лето, подробно изучила его, составила планы и таблицы. И всё, о чём я пытаюсь думать – это летняя практика.

– А папа твой где? – усмехается Машка, встречая нас с Катей на крыльце универа – старинного здания, памятника архитектуры, если я не ошибаюсь.

Мне неловко, знаю, что она не со зла, но всё равно неприятна подобная подколка.

– Вызвали на завод вместо кого-то, сегодня впахивает за двоих, не до меня.

– Вот и правильно, – закатывает глаза подруга, – ему надо чем-то заняться.

– Я его уже как предмет интерьера воспринимаю. Вот

кресло, вот стол, а вот Иванкин батя с биноклем, – вторит ей Маша.

– Всё равно это ненормально, – вздыхает Катя. – Хотя, вот моему папане вообще по фиг, что и как я делаю.

– Может, у нас в общаге поживешь? – предлагает Вальцева.

– Здравствуйте, ей не положено, она, во-первых, местная, во-вторых, квартира четырёхкомнатная у них на троих. Кто ей даст общагу при таком раскладе?

Вздыхнув, сжимаю ремешки рюкзака на плечах, пытаюсь встать ровнее и не думать о том, что после универа снова надо идти домой и видеть родительские физиономии. Ребята шумят, обсуждая будущую практику. Летом студенты факультета иностранных языков, обучающиеся по профилю «Перевод и переводоведение», проходят практику в международных компаниях, бюро переводов, издательствах и других организациях, ведущих международную деятельность. С рядом предприятий заключены договоры о последующем трудоустройстве студентов нашего факультета. Сегодня как раз проходит распределение.

На крыльцо поднимается наш куратор, начиная перечислять, кто и куда сегодня направится.

– Девочки, – добавляю шепотом, – я не спорю, просто моим отцу с матерью никак не удаётся смириться с тем, что я уже не маленькая и могу сама решить идти мне в кафе или провести ночь с парнем.

– Им просто нужны грядки и помидоры.

– И кабачки, – добавляет Катя, строя глазки нашему новенькому.

Она молодец. Всегда весёлая, жизнерадостная и шутливая, живёт с парнем, а флиртует с другими, свободная и независимая от родителей. В ней нет тех загонов, что прививались мне с детства. Вот я, например, поддалась порыву и страсти, пошла против родителей и в глубине души чувствую, что грязная, хотя на самом деле ничего ужасного не совершила. Уж слишком долго они мне это втирали. Боже упаси меня заикнуться о гражданском браке с каким-нибудь парнем, да моя мать во сне отрежет мне волосы за такое.

Поэтому мне так нравятся мои девчонки. Машка, как и Катя, довольно свободная в своих желаниях. В общаге у них даже конкурс был, кто больше перецелует парней на вечеринке по случаю открытия новых душевых. Я бы так не смогла. А Машка танцевала на столе, размахивая лифчиком и ловко лавируя между стаканами с напитками. Она смешная, иногда как отмочит анекдот, у меня даже уши краснеют. Я целовалась только с Кириллом и вот ещё с Димой... Какая ж я всё-таки глупая и наивная дурочка, он наверняка уже и имени моего не помнит.

Хмурюсь, возвращая всё внимание преподавателю, потому что куратор, перечисляя фамилии, направляет нас с Машей на практику не туда, куда планировалось изначально.

– Так Александрова и Вальцева поедут в международную

компанию «Астрикс» вместо экстерном прошедших практику Марины и Кирилла Петровых, а в бюро переводов...

– Это как так?! – смеётся Машка, некультурно перебивая преподавателя.

Моя мама убила бы меня за такой хамский выпад.

– Я понятия не имею, – улыбается совсем ещё юная преподаша. – В деканате мне сказали, что новоиспеченная семья Петровых практику уже прошла, сейчас им нужно лететь...

– На Мальдивы! – кричит Машка, вызывая общий смех одногруппников.

– Это мне неизвестно. – Начинает нервно перебирать документы кураторша.

Дальше нам называют адреса, раздают все необходимые бумажки и отправляют с миром, напоминая, что мы должны вести дневники практики, всё записывать, привлекая к этому руководителя. Мы расходимся в разные стороны.

– Я думала, уж сегодня-то не надо будет пахать по учёбе. – Чуть позже бьётся лбом о впередистоящее сиденье в троллейбусе Вальцева.

– Не думаю, что мы будем так уж пахать, Маш.

– Всё равно! Должен быть день для того, чтобы собраться с мыслями. Вот как первое сентября: пришёл нарядный, вручил цветы училкам, «Урок мира» и домой, то есть гулять на улице и пачкать белые гольфы. А тут сразу на работу.

– Во взрослой жизни на работу ходят каждый день.

– Да знаю, я знаю, Иванка. Кстати, наш Дима так и не объ-

явился? – резко переводит она тему.

– Нет. – Тут же поворачиваюсь к окну, изучая пролетающий мимо универмаг.

Болючая тема, неприятная.

– Не буду тешить тебя напрасными надеждами, большинство парней не парятся насчет ночей со случайными девчонками на свадьбе, тем более после того концерта, что устроили твои родки.

– Понимаю. – Опускаю взгляд на свои пальцы, начиная их выкручивать. – Сглупила я с Димой. У нас было хорошее общение, как будто близкое. С Кириллом у нас связи такой никогда не было. Он скрывал от меня свои эмоции и чувства, будто был не до конца откровенен. Немудрено, что в итоге он женился на другой.

Конечно, я не рассказала об отце Димы, не смогла. Я видела боль в его глазах. Даже если мы никогда больше не встретимся, я не могу предать его.

– Слушай, Иванка, мой тебе совет: забудь его. Найдём другого. Может, не такого богатого, но нормального парня. Ну было и было, с кем не бывает.

– Предъявляем, что за проезд! – неожиданно и громко орёт над нами кондуктор, заставляя вздрогнуть и называя полную стоимость проезда.

– У нас проездные. И мы студенты, вообще-то! – огрызается Машка.

– Предъявляйте студенческие тогда, – непреклонно тре-

бует женщина в форме гортранса.

Во повезло нам сегодня. Билеты уже давно у водителя покупают и в терминалах, а тут такой раритет. Не хватает только сакраментальной фразы: «Контроль на линии!»

– Как будто не видно, что я молодая и стремлюсь к знаниям. Кругом бюрократия сплошная! – бубнит подруга, роясь в необъятном бардаке своей сумки.

– Посмотрите, пожалуйста. – Предъявляю документ, улыбнувшись женщине, всё же она на работе, а Машке лишь бы ругаться с кем-нибудь.

Пока подруга неуместно долго пререкается с кондуктором, я достаю свой телефон. Симку я подключила новую и уже вернулась в социальные сети. В телеграме и инсте высвечиваются сообщения от Кирилла.

«Я хотел попроситься»

«Просто мы долго не увидимся»

«Не смог до тебя дозвониться!»

«Хотел бы дружить, мне нравится с тобой болтать!»

Больной, что ли? Не понимаю такого. Женился, так болтай с женой. Устаю его блокировать в вк, телеге и ватсапе.

А потом вдруг натыкаюсь на запрос от неизвестного мне подписчика с ником «Джейкоб 97».

Я напрягаю все усилия, чтобы сообразить, что именно нажать в такой ситуации, а сердце молотит, стучит так, что дышать больно. Медленно открываю его сообщение:

«Привет, лапочка, как твои дела?».

Спокойствие, только спокойствие, сейчас главное – не испортить всё и сразу. Дима пишет мне, значит, хочет общаться, и его не испугали мои сумасшедшие родители. У меня словно отлегло от души. В каком-то одуревшем полуобморочном состоянии встаю с места, спускаюсь с подножки троллейбуса. Иду прямо в сторону громоздких офисных зданий.

– Блин, Иванка! – орёт Машка, хватая меня за локоть.

Хохочет, направляя в другую сторону.

– Что у тебя с головой? Кто там тебе пишет? Ты чуть в столб не врезалась!

– Я в порядке. – Хихикнув, сжимаю в руке телефон. Пока не хочу рассказывать про Диму, боюсь спугнуть удачу.

«Привет, у меня всё хорошо!» – отвечаю ему, воодушевленная и сбитая с толку резко нахлынувшим ощущением радости.

Обхожу стеклянную остановку, людей и стайку малышей на самокатах, чувствую, как сильно горят щёки. Подруга, тараторя, рассказывает о том, что вчера у неё украли полпалки докторской колбасы. Два студента четвёртого курса спёрли прямо из холодильника, а потом ели и, улыбаясь, пытались угостить Машку её же собственным продуктом.

«Надеюсь, ты жива и здорова? Родаки у тебя атас», – пишет мне Дима.

«Они не причинят мне вреда».

«Это выглядело иначе, лапочка».

«Они мои родители, Дима. Тебе ли не знать, что родителей не выбирают».

Я тут же жалею, что написала это и хочу стереть, но из-за того, что пишу на ходу, успеваю отправить.

Он присылает грустный смайлик.

Ну и что же мне делать дальше? Я его обидела, или он просто закончил разговор? Пауза затягивается. В затылке противно ноет. Меня охватывает легкая паника. Может, продолжить разговор самой? Я понятия не имею, какой у него характер. Я помню, как шикарно он улыбается, как смотрит, когда хочет заполучить девушку, как настойчиво целует. Но мне неизвестно, может ли его обидеть подобное сообщение, или он не обращает внимания на слова и тут же забывает об этом? Люди ведь разные. Кирилл, например, дулся часами. Ещё и в позе был, нуждаясь в том, чтобы я просила у него прощения. А какой Дима? Я совсем его не знаю, но так сильно хочу открыть для себя каждый кусочек его души.

– Офигеть, чокнуться и с ума сойти! – осматривается Машка, задрав голову. – Это, блин, как в кино. Я такие офисы только в крутых турецких сериалах видела. Как хорошо, что Петровы поженились. Ну в смысле плохо, конечно, прости, Иванка. Но я немного завидую твоему Кириллу – он сейчас коктейли из трубочки жрёт и икрой закусывает, а у меня только хлеб в рюкзаке, но зато мы почувствуем себя офисными чиками! – Ведет она плечами, пританцовывая.

Я натягиваю улыбку на лицо, стараюсь успокоиться, переживаю из-за того, что наша переписка прекратилась. Мне нет дела до Кирилла и его икры. Мимо проходят деловые, явно богатые мужчины, один подмигивает мне. Я отворачиваюсь. Неудобно.

– Да, очень красиво, – вторю подружке, в сотый раз убирая блокировку с экрана.

Дима молчит. А что, если на этом всё? Я потеряла столько баллов со своими родителями, а теперь ещё тыкаю его отцом. Ну не дура ли?

– Здравствуйте, мы прибыли на практику. – Подкатывает Машка к девушке в чёрном костюме, с идеально гладкой причёской и устройством хендсфри на правом ухе.

Та тут же расплывается в отрепетированной заранее улыбке и подробно рассказывает, куда нам идти. Мы следуем к лифту и поднимаемся на двадцать пятый этаж.

– Теперь мы сможем задания по практике делать, пока до нужного этажа доедем, – зевает Машка, разглядывая свои прыщи в огромном кристально чистом зеркале кабины. – Это ж, блин, минут десять на лифте ехать.

– Зато не укачало, плавно так едем, – вздыхаю, не в силах спрятать мобильный в сумку.

Сжимаю его в ладонях как самое дорогое и важное. Нервничаю.

Ну вот что я за человек такой? Всегда найду из-за чего расстроиться. Мало ли, чем Дима занят сейчас. Он же уже

не студент и на практике не прохлаждается. А сейчас, между прочим, разгар рабочего дня. Скорее всего, он в офисе у отца работает, наверняка отвлётся на какое-нибудь гиперважное дело. Не стоит забывать, что он батю удовольствия лишил, тот ему вполне может мстить за это и нагружать по полной. Да всё что угодно могло случиться за эти дни. Он же не живет как я – в исправительной колонии строгого режима, отца лихо на место поставил. Мне бы его решимость: показать родителям, что я уже взрослая и могу жить, как хочу.

Сама виновата, что с ними в таких отношениях оказалась, надо было ещё лет в пятнадцать начать сопротивляться их прессингу, тогда бы сейчас не было так много проблем.

Мама с детства любила шантажировать меня тем, что «я не люблю свою мать, раз не понимаю, насколько правильные у неё советы». А я-то люблю и переживаю. Как я могу не любить её? Это же ужасно и дико. Я искренне волновалась, что именно так она и подумает или вовсе откажется от меня.

– Вот здесь вы и будете проходить практику. – Стуча каблучками, заводит нас в тёмный кабинет высокая женщина лет сорока с убийственно серьёзным выражением лица.

Сразу видно: с ней шутки плохи. В руках у неё кипа бумаг, а в нашем кабинете даже окон нет. Руководитель нашей практики скрывается за дверью, а Машка бросает сумку и разводит руками в разные стороны.

– Ну, Иванка, поздравляю, теперь мы с тобой чешуйницы обыкновенные, питающиеся книжными переплётками, бума-

гой и старыми стрёмными фотографиями. – Приподымает она пыльную стопку макулатуры, всё вокруг завалено горами папок. – Видать, из старого офиса всю эту красоту перенесли, а мы будем перебирать.

– Если будем хорошо работать, нас могут сюда взять, – наивно предполагаю я, расчищая для себя стул, аккуратно перекладывая папки.

– Да уж, конечно, – смеётся подруга. – Это на практику мы вместо Петровых, а на работу они сюда пойдут, не волнуйся. Встретишь как-нибудь своего Кирилла через пару лет после окончания вуза на улице, а он уже в брендовом костюме из Италии, заместитель зама заведующего всем этим балаганом. Блин, я думала, хоть селфи в крутом кабинете для инсты наделаю, а тут, как в картонном ящике. Тоска.

Машка скидывает папки со стула и забрасывает ноги на стол. Зевнув, достаёт телефон. А я приступаю к работе: нам сказали рассортировать бумаги по годам, и я собираюсь занять себя делами, иначе снова разболится голова от волнения и несбывшихся надежд. Ну почему я такая впечатлительная? Всё принимаю близко к сердцу. Не напишет и не напишет. Это не смертельная болезнь и не взрыв в салоне самолета. Всего лишь парень, который, по словам матери, забрал у меня чуть ли не самое главное в жизни.

И как раз в тот момент, когда я, тяжело вздохнув, откладываю мобильный в сторону, на него приходит ещё одно сообщение:

«Вечером, часиков в восемь, с ребятами собираемся в одном коттедже. Будут все свои. Это крутой район, но в черте города. Далеко ехать не нужно. Пойдёшь со мной, лапочка?»»

Глава 6

После сообщения, присланного Димой, я машинально перекладываю бумаги. Работа действует успокаивающе. Стопки вокруг меня растут, а Машка лентяйничает, смотрит на часы и снова рассказывает мне о том, как в прошлом октябре в их общежитии случился пожар. Машка очень любит эту историю, потому что именно она в тот день позвонила в службу спасения.

К моменту прибытия спасателей к месту вызова из окна комнаты второго этажа всюду валил дым. И если бы не Машкина сообразительность, то им бы не удалось спасти шестидесятилетнего вахтера. Его госпитализировали с термическим ожогом второй степени. После чего эвакуировали тридцать человек, а Машке выдали грамоту.

– Я чувствую свою значимость, Иванка, понимаешь? Я прям как Бэтмен или Супермен. Вот от меня реально зависели тридцать человек и Семён Палыч.

– Слава богу, что ты успела вовремя, – я говорю это на автомате и в тысячный раз, поддерживаю подругу, впрочем, не особо вникая в суть разговора.

Моё сердце не на месте. Аж гудит внутри. Блин, а если Диме не понравится, что я так долго обдумываю его предложение? Вдруг он решит, что я не заинтересована? А как я могу ответить, если я хочу пойти, но точно знаю, что отец с

матерью не пустят меня? Папа соберётся со мной в коттедж. Я его знаю и даже представить боюсь величину позора – это безумие какое-то. Дима привык, что девочки сами плывут к нему в руки, а тут какая-то великовозрастная простушка с бате́й за спиной выкаблучивается. Ещё полчаса тишины, и он плюнет и забудет.

– Думаю, мне обязательно это зачтётся, вот увидишь. – Машка поднимает палец к потолку, указывая вверх. – Там всё видят и записывают. Вот сделал ты хорошее дело, а тебе десять наград за это. Я поэтому всегда помогаю старушкам на переходе, отвожу свою старую одежду в детский дом. Так мне обязательно вернётся всё вдвойне.

Машка достаёт пилочку и начинает пилить ногти. Надеюсь, здесь нет камеры, а то вместо «вернётся вдвойне» будет ей незачёт по практике. Дело близится к обеду, а я никак не могу придумать, что мне ответить Диме. Если отказаться, он больше не попросит. Это не тот парень, которого можно мур-жить. Я видела, как на него смотрят другие девочки, а он выбрал меня.

Тело наполняется непонятным теплом, от волнения и страсти кожа покрывается мурашками. Не могу пропустить совместный вечер с ним, просто не могу и всё. Время летит и, перебрав приличную кучу бумаг, я смотрю на часы. Нам разрешили поставить перекусы в холодильник и, высунув голову в коридор, я нерешительно проверяю, есть ли кто снаружи.

– Ой, да ладно! – Толкает меня Машка, выпихивая из комнаты. – Мы же не в тюрьме, пойдём, у них там кофемашины есть и комната приема пищи. Сейчас пообедаем и назад в свою коробку поползём.

Взявшись за руки, мы на носочках пробираемся через коридор, минуя помещения, набитые офисным планктоном. Несмотря на то, что начался обед, большинство сидит и работает. Добравшись до холодильника, мы усаживаемся за стол.

– Сейчас кофейку намутим. Тебе капучино или латте?

– А может, нам этим пользоваться нельзя?

– Вот в этом твоя проблема, Иванка. Ты всегда думаешь, прежде чем делать. И потом половину веселья пропускаешь.

– Да уж. Точно, я так и делаю, особенно в последнее время, постоянно думаю головой, поэтому теперь столько проблем. – Опускаю голову, пробираясь за обеденный стол.

– Ой, да какие у тебя проблемы, Вань? Ну родачки лютуют, так перебесятся. Смотри, там печеньки есть, может, по штукке, а?

– Не вздумай! – Бью подружку по рукам. – Мы и так чужой кофе хлещем, люди, может, на него скидывались, и на молоко тоже.

– Это тебе не «Облстройгражданпроект», чтобы на каждую писюльку скидываться, тут наверняка бизнес-ланч из ресторана за счёт фирмы. Иначе бы новоиспеченная семья Петровых, – кривляется Машка, – не пошла сюда на прак-

тику с заделом на будущее трудоустройство. Зачем Кирюхе вообще работать?

– Тише ты. – Дёргаю подругу, и мы сдвигаемся в самый уголок, под пальму.

Так нас меньше видно. В комнату заходит наш руководитель практики и ещё две женщины, все они одеты строго, в чёрно-белое, согласно дресс-коду. Кажется, даже ногти у них сделаны у одного и того же мастера, настолько они идеально и одинаково выглядят. Но девушка помоложе со светлыми волосами и бледной кожей отчего-то плачет.

– Тише, Вика, успокойся. – Наливает ей воды наш руководитель практики.

– Он меня убьёт.

– Красинский не убивает, а просто лишает средств к существованию.

– Сколько осталось до внеплановой конференции?

– Полчаса.

– Ну вот, у нас полчаса, чтобы что-то придумать.

Наша руководительница присаживается на стол и хмурится, а мы с Машкой одновременно пригибаемся, вдавливая головы в плечи.

– Ты всем позвонила?

– Да.

– Почему нет своего переводчика?

– У неё инфаркт.

– Да ну? – округляет глаза.

– Полчаса назад случился. Красинский приказал Голиковой переводить, потому что американцы уже в здании и сейчас будут в конференц-зале.

– Хорошо. Голикова, так Голикова. Она неопытная, но... Девушка плачет громче.

– Так Голикову по скорой забрали.

– Почему? – Брови нашей руководительницы взлетают вверх.

– У неё по-женски что-то, и она сознание потеряла. Я вообще в шоке. Никогда не видела такого: давление упало и боли, укол сделали – не помогло, короче: капельница и в больницу.

– А лет ей сколько, что ей хреново так?

– Да молодая совсем.

– Понятно. Хорошо, а где эта с тринадцатого этажа – Лика Викторовна – ну, рыжая такая, с опытом?

– На пенсию проводили, – завывает та, которую назвали Викой, – я поднимала трубку, я ответила на его звонок, меня он и расчленит.

– Так зовите наёмного! Из соседнего здания, из подвала, с крыши! Здесь столько этажей, найдите хоть кого-нибудь! Красинский нас на фиг всех поувольняет! – резко взрывается серьёзная тетка.

– В пробке! Там авария на улице, стоит весь проспект. Не успеем, американцы, блин, не застряли, проскочили, а три наших переводчика там!

– Инфаркт, скорая, авария! Мама дорогая, нас что, прокляли?

И в этот момент из-за пальмы высовывается моя наглая Машка.

– Я очень извиняюсь, женщины, ой, в смысле уважаемые дамы, короче: моя подружка, – выталкивает она меня со стула, – она отличница. У неё лучший показатель синхронного перевода на нашем потоке. А ведь это неспроста считается самым сложным видом устного перевода, – размахивает руками Машка, входя в роль. – Переводчик-синхронист переводит фразы прямо в тот момент, когда оратор эти фразы произносит, – она таращит глаза, демонстрируя, как это круто. – Так вот, Иванка может отставать от говорящего не больше, чем на полфразы, представляете?

Руководительница практики осматривает наши джинсы и майки, затем поворачивается к рыдающей сотруднице.

– Меняйтесь шмотками, лучше так, чем никак.

– Господи, – продолжает вздрагивать Вика, явно испугавшись моей персоны в конференц-зале, но всё же расстёгивая пуговицы белоснежной рубашки и стягивая черную узкую юбку. От безысходности, не иначе.

– Слушайте, я не уверена, что это хорошая идея, – пытаюсь как-то остановить творящееся вокруг безумие, пока одна из офисных барышень дёргает мои волосы расческой, стараясь собрать их в пучок на макушке.

Я перепугалась и нервничаю. Одно дело переводить за преподавателем на парах и совсем другое – бизнес-встреча каких-то там американцев и генерального директора, от одного имени которого все трясутся.

– Думаю, ваш злой и суровый босс и сам знает английский. Ему необязательно для этого нужна студентка третьего курса.

– Он знает, но предпочитает думать о бизнесе, а не вслушиваться в чьё-то произношение и слэнг, так ему комфортнее.

– Тихо, сейчас я вкратце объясню суть беседы, – резко перебивает меня наша руководительница и вместе с плачущей Викторией, подталкивает в сторону лифта. – Речь пойдёт о расширяемом языке деловой отчетности. Широко используемый в мире открытый стандарт обмена деловой информацией позволяет выражать с помощью смысловых средств общие для участников рынка и регулирующих органов требования к представлению бизнес-отчетности и существенно уменьшить время на контроль и анализ отчетности, структурировать её в любой форме и сделать машиночитаемой, то есть расширяет возможности её использования в рамках компьютерного анализа по всему миру.

У меня голова кружится. Я ничего не понимаю. Машка не отпускает и придерживает меня в вертикальном положении, я еле передвигаю ноги, руки дрожат, цифры на табло лифта прыгают и не хотят стоять прямо.

Я пытаюсь спорить:

– Вы понимаете, что британский и американский английский – это не одно и то же, – быстро тараторю. – Сложность для тех, кто изучает английский, в том, что в этом языке нет стандарта. Учить приходится два варианта: британский и американский, это если не учитывать австралийский, индийский, южноафриканский диалект. В общем, я не очень-то сильна в американском.

– Нам неважно, как ты переведёшь, главное, чтобы ты там вообще была, тогда нас не выгонят с работы.

Лифт звякает и двери раскрываются, в отличие от предыдущего этажа здесь коридора нет, и я сразу с разгона влетаю в огромный зал, где несколько девушек расставляют минеральную и фруктовую воду.

Разворачиваюсь к зеркалу. Мне удивительно хорошо подошли Викины вещи, и хотя хвастаться я не люблю и не умею, но эта черная юбка на мне сидит лучше, чем на самой хозяйке. А ещё мне выдали сменку кого-то из бухгалтерии, и несмотря на то, что на шпильках я стою второй раз в жизни, у меня даже получается делать это ровно.

Насколько я помню по учебе и документальным фильмам, я должна стоять справа от сидящего оратора. Обычно такие встречи длятся не больше часа, ну опозорюсь и домой пойду. Между лопаток от страха течет капелька пота. Так и стою возле центрального стула, когда снова звякает лифт.

И кровь тут же стынет в жилах. Боже, не может быть. Толь-

ко не это.

– Егор Валентинович, это ваш сегодняшний переводчик – Иванка. Она проходит у нас практику, но могу вас заверить, что уже сейчас её без преувеличения можно назвать квалифицированным переводчиком, – представляют меня генеральному, и я чувствую, что просто не могу отлепить язык от нёба и поздороваться.

Мы с Диминым папой смотрим друг на друга целую минуту, не меньше. В груди теплится маленькая надежда – вдруг не узнал?

Но он тянет руку, ухмыляется и жмёт мою ладонь, глядя прямо в глаза.

– Ну здравствуй, Иванка.

В тёмном костюме, крупный, спортивный, хоть и немолодой, мужчина смотрится угрожающе эффектно. Встреть я его при других обстоятельствах, наверняка бы восхитилась его мужественной внешностью. Он привлекательный, но я ведь знаю, кто он такой. Хотя прекрасно понимаю, что в такой толпе мне ничего не угрожает, но всё равно... жутко.

В ушах гремит сердце.

Димин отец отодвигает для меня стул, указывая место рядом с собой. И, стиснув зубы, я повинуюсь. Сразу же узнаю его туалетную воду: она такая очень взрослая, мужская, кричащая о статусе хозяина. Схватив со стола карандаш, я сдавливаю его пальцами. Отвлекаюсь.

– Хотите воды, Иванка? Наши гости заглянули на произ-

водство, немного опаздывают.

Медленно кивнув, соглашаюсь на воду.

Сейчас в Красинском – так оказывается звучит их фамилия – нет угрозы или агрессии, даже наоборот, он смотрится всемогущим, но как будто бы разумным и знающим всё на свете. Не знаю, как ему удалась подобная метаморфоза, но все женщины вокруг смущаются, пытаюсь ему угодить.

Постепенно места за столом заполняются.

– Немного душновато, не находите, Иванка? – улыбается мне Димин папа, заставляя повернуться к нему.

Я бы очень хотела сейчас упасть в обморок, но вот что удивительно: из-за дурного правильного воспитания и покладистости я не могу сейчас просто убежать. Я не в силах допустить, чтобы из-за моих страхов уволили тех женщин, которые меня сюда привели. Ну не идиотка ли?

– Включите кондиционер посильнее. Если что-то понадобится, сразу же скажите. – Продолжает за мной ухаживать Димин отец. – Сейчас уже все соберутся, не волнуйтесь, Иванка. Похоже, я тут самый пунктуальный.

По коже пробегает мороз. У него глубокий голос. Он сильный человек, обладающий властью, а я беззащитная студентка в логове паука.

Сажу к двери спиной, но при очередном звяканье лифта, слышу голос, который никогда в жизни не забуду. И моя жизнь кардинально меняется. Бывает же такое. Порыв сильного ветра, и всё, что казалось таким романтичным и сол-

нечным, превращается в пепел. Он тут, но...

– Спасибо, лапочка, распечатай мне, пожалуйста, договор от «Верфикса» и положи на стол к трём, – хриплый мужской глубокий смех.

Слышу Диму, но не вижу его:

– Я посмотрю его после совещания, – уточняет он.

Распечатать я ничего не могу, поэтому сразу понятно, что это он говорит не мне. Он так назвал другую девушку! Так же, как звал меня! И кажется, что я падаю в чёрную дыру, где стремительно тонут все мои надежды и мечты. Хочу проснуться и сбежать из того кошмара, в который попала.

«Лапочка»... как же просто, не нужно запоминать имя. Об этом я не задумывалась, а сейчас поняла так отчетливо. Я думала, что я «лапочка», а оказывается, даже баба, умеющая нажимать на кнопки принтера и варить кофе лучше всех в этом стеклянном клоповнике, тоже «лапочка». Что уж говорить про всех остальных?

Дима обходит стол, жмёт протянутые руки, улыбается. На нем тоже чёрный костюм и белоснежная рубашка. Ему очень идёт, он как будто актер или какая-то другая суперзвезда, от которой невозможно оторвать глаз. В руке чашка кофе. Он занимает своё место возле самой молодой девушки из совета директоров и, обменявшись с ней улыбками, здоровается.

А потом он замечает меня.

И проливает кофе.

К нему кто-то подбегает, девочки начинают суетиться, вы-

тирать пятно. А Дима такой красивый, широкоплечий, невероятный и яркий брюнет с горящими чёрными как ночь глазами, смотрит прямо на меня, так и застыв с перевёрнутой чашкой в руках. Я тоже смотрю на него. Прощаясь.

Не смогу с этим смириться. Знала ведь, что глупо надеяться, будто бы он сошёл по мне с ума и я так сильно ему понравилась, что он так же, как и я, влюбился с первого взгляда. Тупо и по-детски. Но я вот вижу его и чувствую, как его «лапочка» в сторону другой колет мне сердце тупой иглой.

Я себя знаю, для меня это сродни настоящему предательству. Думаю, за эти дни – после меня – у него уже были другие девушки.

Не знаю, почему я так сильно разочарована, ведь это всего лишь слово. Но я дышала им всё это время, а он улыбается другим девушкам, так же легко, как и мне. Раздаёт это слово обыденно и легко. С разочарованием приходят отрезвление и грусть.

Лифт снова раскрывается.

– Давайте встанем и встретим наших гостей. – Неожиданно, впрочем, вполне галантно Димин отец подхватывает меня под локоть, указывая направление.

Подчиняюсь: встаю и, развернувшись на высоких каблуках, иду туда, куда ведёт меня он. Какая в самом деле разница, куда идти? Это будет мне уроком на всю оставшуюся жизнь. Пора взрослеть и перестать строить воздушные замки, где меня должен спасти прекрасный принц, потому что

их не существует. И папа прав: меня действительно использовал избалованный мажор, который захотел повторить это ещё раз, пригласив на пьяную вечеринку в какой-то коттедж такого же богатого мажора, как и он сам.

Я стою возле генерального с каменным лицом. Знаю, что легко поддаюсь влиянию, боясь обидеть, расстроить и разочаровать. Страдая от привитого с детства повышенного чувства ответственности, я исключительно обязательный человек и в своих обязательствах перед другими мало думаю о себе и своей жизни. Но как бы сильно ни ломали меня родители, я похожа на своего отца. И у меня бывают светлые моменты, когда, взбрыкнув, я теряю границы. Так было той ночью с Димой, так бывало и раньше. Так – я точно знаю – будет прямо сейчас.

Мне хреново, я чувствую себя обманутой и использованной, внутри меня разрастаются злость и упрямство. Это потом придёт осознание, и меня будет мучить совесть, но прямо сейчас я не планирую даже смотреть в его сторону.

– Переведи, пожалуйста, следующее, – спокойно просит генеральный, и я подчиняюсь.

Стоя рядом с его отцом, который продолжает оказывать мне знаки внимания, я как будто всё ещё слышу, как Дима назвал другую девушку «лапочкой». Не знаю, почему это так сильно задело меня. Ведь это логично.

Люди говорят одно и то же, используют одни и те же при-

ёмы, чтобы понравиться, даже цветы покупают одинаковые, потому что считают, что они самые лучшие. Но я не могу смириться!

Сжимая зубы и давясь улыбкой, я почти ощущаю, как крошится эмаль. Его «лапочка» звучит в ушах ударом в медный барабан, словно средство оповещения населения о стихийном бедствии. Не могу успокоиться! Это не мелочь, мне больно, и я очень, очень зла на него.

– Как вы добрались?

Седовласый старичок, похоже, главный среди американцев, смеётся больше других. Он выдаёт целую тираду о самолётах и регистрации. Благодарит за шикарную гостиницу. Я перевожу, стараясь передать смысл как можно ближе. Я очень волнуюсь, но, кажется, получается.

– Неплохо, Иванка, совсем неплохо, – хвалит меня Красинский-старший, наклоняясь к самому уху и прикасаясь к моей спине.

От его близости по коже снова ползёт мороз, но обида на Диму сильнее. Плевать на его отца, на людей он не тронет.

Как я могла отдаться Диме? Как? Вроде не дура, но как я умудрилась повестись на его разговоры и улыбку? Я на него не смотрю и чувствую, как мир раскололся на две части.

– Больше шансов, – на автомате перевожу слова американца, – на рынке нам нет равных, наши программы выполняют нужную задачу без лишнего технологического мусора.

И хотя сначала меня немного трясёт, я втягиваюсь в ра-

боту, собираюсь. Улыбаясь группке из штатов, продолжаю переводить, иногда сбиваюсь и путаюсь, но в общем, как мне кажется, выгляжу достойно.

К счастью, гостей я понимаю, несмотря на американский английский. С обидой задрав подбородок, выдаю чёткий конструктивный перевод. Жаль, меня не видят мои преподаватели. Они бы наверняка гордились мной. Откуда только силы берутся? Это вечером я буду реветь в подушку, сейчас не покажу ему даже виду.

Генеральный стоит слишком близко, он хоть и разговаривает с американцами, обмениваясь смехом и шутками, то и дело прикасается к моему плечу. Это очень раздражает, но я терплю.

Красинский приглашает нас всех к столу. Отодвигает для меня стул, будто я не простая практикантка, а важная, уважаемая персона. Узнай мы друг друга сегодня, я бы даже восхитилась его поведением. Но рядом со мной монстр. Вот только мне всё равно. Я чувствую, что Дима смотрит на нас.

Технические термины даются мне сложно, и без подготовки, уверена, иногда выдаю полную ересь. Но по-другому никак. Сами виноваты, что толкнули меня в самую гущу событий. Беседа длится больше часа, я многое не понимаю, но стараюсь как могу.

– Максимизация выбора. – Складывает Красинский руки в замок, опираясь на них подбородком и показывая, что он уже принял решение, он очень доволен. – Открытый стан-

дарт создаёт справедливый конкурентный рынок для реализаций. Он не привязывает потребителя к определённому поставщику или группе поставщиков. И меня это устраивает. Так что, я думаю, пора переходить к подписанию документов. Есть возражения?

Все молчат, боятся перечить генеральному. И, конечно же, решение здесь принимает только Егор Валентинович, но в следующую секунду я слышу голос Димы:

– Я не согласен – считаю, надо ещё раз всё взвесить и рассмотреть предложения «Сиско» или «Нист».

Лицо Красинского-старшего каменеет. А я впервые поднимаю глаза на Диму. За столом тишина, он смотрит на своего отца, и этот холодный пронзительный взгляд похож на лезвие ножа.

– Мы всё обдумали, и решение принято.

– Там методы современнее и условия выгоднее.

– Иногда важны старые связи.

– Егор Валентинович, надо ещё раз обдумать, – настаивает Дима, посмеявшийся перечить отцу.

Старшего раздражает собственный сын, ставящий под сомнение его авторитет. Не слышно даже шелеста бумаг, настолько тихо в зале. Между отцом и сыном ведётся немой диалог.

– Давайте прервёмся на ланч! – грозно выдает Красинский-старший, затем добавляет улыбку. – Смена часовых поясов нешуточное испытание.

А я, заворожённая происходящим, молчу.

– Иванка, переведи, – приказывает генеральный, и я, от-
мерев, быстро выполняю.

Все кивают, смеются, переговариваются и начинают вста-
вать, скрипя стульями. Затем группками движутся в сторону
лифта. Не знаю, что мне делать, первая мысль – бежать. Но
я понятия не имею, должна ли переводить на ланче.

– Дима, проводи дорогих гостей в наш ресторан, там уже
всё готово.

Очевидно, он пытается избавиться от сына. Я делаю рез-
кий шаг в сторону.

– Иванка, я впечатлён, – окликает меня Красинский-стар-
ший.

Это в лесу он незнакомый мужик, пытающийся завалить
меня на траву. Здесь он бог и царь. Он генеральный дирек-
тор, а я должна пройти практику и получить зачет. Зал мед-
ленно пустеет, я паникую.

– Спасибо. Мои услуги понадобятся и дальше, или я могу
идти? – Случайно пересекаюсь с ним взглядами.

Мне не нравится, как много внимания он уделяет мо-
ей персоне. Разве я не обслуживающий персонал? Красин-
ский-старший нарочно говорит тихо, почти шёпотом, чтобы
я подошла ближе. Вот же хитрая сволочь.

– Я должен извиниться, наша первая встреча, – он застав-
ляет меня смотреть ему в глаза, – вышла ужасной, мне очень

неловко. Я понятия не имел, насколько ты талантливый переводчик, ты держалась на высоте. Есть нарекания, но ты ведь ещё студентка.

Прячу руки за спину и втыкаю ногти в ладони, медленно отступая. Боюсь оставаться с ним наедине.

– Извинения приняты, я пойду.

– Ты не можешь меня бросить, Иванка, – он снова улыбается, как будто нежничает, а я обхожу стол, отступая. – Я не справлюсь дальше без тебя. В этом наряде ты просто прекрасна, образ деловой леди – это прямо твоё, – осматривает меня с ног до головы, делая комплимент.

Его крупная фигура загораживает проход, и я не знаю, что мне делать, за спиной закрывается лифт. Ну вот и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.